

Л. де ла Уссей
Социальное Искусство и Его Источники

Leo de la Houssaye "Sozial-kunst und ihre Quellen" 1983 Verlag Freies Geistesleben GmbH, Stuttgart
 Издательство "Свободная духовная жизнь" Штуттгарт, 1983
 Перевод с немецкого М. Мачавариани с участием О. Бердзенишвили, И. Джигоевой и др. под редакцией И. Меликишвили
 Тбилиси 1993

ВВЕДЕНИЕ

Во время своей более чем двадцатилетней деятельности в качестве сотрудника Нидерландского Педагогического Института (NPI), Института по развитию организации, Цейст/Голландия, автору стала весьма близка возрастающая проблематика социальной жизни. С каждым годом она принимает в мире вид, который все более грозит опасностью. Становится все более ясно, что решения прошедших времен не могут привести к развитию. Следует искать новые пути.

Первоначальный импульс преобразования общества был дан Рудольфом Штайнером после первой мировой войны в идее трехчленности социального организма. В течении ряда лет с большим усердием трудился он над реализацией содержащихся в ней целей. Почему в то время этот зачаток не мог быть развит? обстоятельное исследование этого вопроса, несомненно, выявило бы множество причин. Сегодня же острая социальная необходимость толкает нас задуматься вновь о том зачаточном, что было тогда замыслено. Социальные проблемы становятся более злободневными не только во всеобщем мировом политическом смысле, но и в повседневной жизни отдельного человека. Поставленные вопросы сегодня жизненно более важны [более экзистенциальны], более личностны, чем 30 или 50 лет назад, поскольку развитие сознания ("Души сознательной") продвигается вперед. Как могу я внести вклад в оздоровление социальной жизни? Что я могу сделать в собственном социальном окружении? Каким образом можно действовать социально, исходя из антропософии?

Такие вопросы ведут к поискам искусства социального действия: к искусству социального в повседневной жизни. Настоящий труд возник из намерения внести первоначальный вклад в эти вопросы. Он представляет собой обработку доклада, прочитанного во время интернационального собрания для членов Всеобщего Антропософского Общества в августе 1981 года, в Дрибергене/Голландия. Общая тема этого собрания была: "Рождественское собрание - источник формирования будущего общества". Содержание этого труда предполагает знакомство с трудами Рудольфа Штайнера. Он является попыткой раскрыть, исходя из антропософии, источники социального искусства. При этом обнаруживается, что это невозможно без учета пути становления Всеобщего Антропософского Общества. Ибо антропософия не может истинно осуществиться, если в социальной жизни она не придет к созидательной деятельности. С основанием Антропософского Общества с самого начала: (1913 год) имелось сознательное стремление к новой в своей основе реальности в социальном. Последовавшее после пожара первого Гетеанума новое основание Всеобщего Антропософского Общества во время Рождественского собрания (декабрь 1923 года) было деянием, которое глубоко связано с общечеловеческими социальными задачами. Только раскрытие источников и задач правильно понимаемого искусства социального даст возможность вникнуть в эти факты. Да будет этот труд, путеводителем для ищущих

искусство социального действия.

I. ОСНОВАНИЕ ВСЕОБЩЕГО АНТРОПОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА ЗАКЛАДКА КАМНЯ ОСНОВЫ - 1923 ГОД.

Во время Рождественского собрания в 1923 году состоялась закладка Камня Основы Всеобщего Антропософского Общества. Это произошло благодаря тому, что медитация Камня Основы была погружена в "добрую почву" душ, в сердца слушателей.

Утром первого Рождественского дня Рудольф Штайнер впервые произносит медитацию Камня Основы. Трижды звучит призыв: "Душа человека!" Раскрывается, как живет душа человека в конечностях, в биении сердца и легких, в покоящейся голове. Она призывается к упражняющейся деятельности, которая ведет к истинной жизни, к истинному чувствованию и истинному мышлению.

Эти задачи могут быть выполнены лишь благодаря тому, что развитие человека зиждется на троичности (Trinität). После такого обращения к трехчленности творящего человеческого существа, следует четвертая часть, изображающая центральное событие эволюции человечества: Мистерию Голгофы, Пра-Рождество (Ur-Weihenacht) человечества. "Добрая почва, в которую нам надлежит погрузить сегодняшний Камень Основы, добрая почва - суть наши сердца в их гармоничном взаимном деянии, в их благой, пронизанной любовью воле нести совместно через весь мир, общее антропософское воление"(1). Так это формулирует Рудольф Штайнер в своей сопроводительной речи. Свершение этого деяния во время Рождественского собрания 1923 года не ограничивалось в своем значении тогдашними слушателями, присутствовавшими в количестве от 700 до 800 человек. Это было скорее общечеловеческое мгновение. Ибо что выражает содержание медитации Камня Основы? Оно передает изначальную мысль человеческого существа: идеал Богов, лежащий в основе творения человека. Это изначальная мысль, которая некоторым образом с самого начала эволюции витала перед взором Богов.

В течении многих лет после начала своей деятельности в антропософии Рудольф Штайнер сформулировал множество духовно-научных положений. Можно вспомнить, например, об описанных в книге "Очерк тайноведения" ступенях эволюции начиная с древнего Сатурна; о познаниях моментов возникновения царств природы в их связи с человеком; можно вспомнить об описании деяний иерархических существ и об их совместном космическом деянии в процессе эволюции. Однако, - **чем** импульсирован весь этот процесс творения? **Что** привело его в движение? **Что** было общей целью действия всех духовных существ? - вплоть до 1923 года эти вопросы остаются открытыми. Лишь благодаря Рождественскому собранию 1923 года становится полностью очевидной сознательно охватываемая образующая сила человеческого праобраза. От начала творения идеалом Богов было создание человека как существа, которое может стать осуществителем свободы. Среди иерархий были духи мудрости, духи движения, духи любви и т. д., но не было **духов свободы**. Праобраз человека как трехчленного свободного существа был идеалом Богов, который "изначально" витал перед взором иерархических существ и импульсировал фазы вплоть до самоосуществления.

Непосредственно после Рождественского собрания, 4 января 1924 года, Рудольф Штайнер говорит о человеке как о новой иерархии. Он касается того, как возникло у Богов к началу творения состояние пламенного воодушевления. Праобраз человека, который, как идеал, привёл в движение всё мироздание, находит доступные для упражняющегося сознания открытые формы своего раскрытия во время Рождественского собрания в медитации Камня Основы. Так, 24 декабря, в канун закладки Камня Основы, Рудольф Штайнер в своей речи, произнесённой при открытии Рождественского собрания говорил о том, чему надлежит прийти в данный момент как "удовлетворяющему озарению" в человеческом развитии Земли: "Да, это я как Человек, как поволенный Духом

человек на Земле, как поволенный Богом человек во вселенной". Описывается, как проистек импульс для антропософского движения не из земного произвола, а из следования зову духовного мира, взирая на величественные картины, которые представляли из духовного мира как современные откровения для духовной жизни человечества. Поэтому является антропософское движение богослужением. Правильное настроение для этого движения мы улавливаем лишь тогда, когда рассматриваем его как подобное служение Богам. "И как таковое волим мы его в наши сердца принять в начале этого нашего собрания; волим глубоко вписать в наши сердца", что это антропософское движение души каждого отдельного человека, кто себя ему посвящает, хочет связать с первоисточниками всего человеческого в духовном мире; что это антропософское движение хочет привести человека к тому последнему для него в данный момент в человеческом развитии земли удовлетворяющему озарению, которое в начавшемся откровении может облечь себя в слова: да, это я как Человек, как поволенный духом человек на Земле, как поволенный Богом, человек во вселенной"(2). Если мы даём действовать в себе медитации Камня Основы, мы можем сказать: да, таким мыслился человек Богами с самого начала. В троекратном воззвании: "Душа человека!" мы призываемся к упражняющемуся сотрудничеству, направленному на идеал Богов.

Камень Основы сперва был погружен в сердца небольшого количества готовых к его принятию людей. Но - как было сказано - это деяние в своём значении шло далеко за пределы этой небольшой кучки людей, которые присутствовали при этом, "как бы случайно". Значение было общечеловеческое. Вспоминая о Закладке Камня Основы, Ф. В. Цейльманс ван Эммиховен описывает то, что он там пережил, как "мистерию, глубина которой только с течением времени может открыться человечеству"(3). В простых словах описывает он эту мистерию: "Был заложен зачаток для, собственно говоря, современного посвящения, которое прежде всего надлежит пройти каждому в отдельности, но при котором существенное состоит в том, что каждый переживает себя всё больше как часть человечества в его целостности, когда он познает себя всё глубже. Я человека подготавливается стать носителем Я человечества. Человек становится человечеством; человечество живёт как целое в отдельном человеке". Цейльманс ван Эммиховен подчёркивает здесь, что возобновление мистерий может быть понято лишь в связи с **социальной жизнью**. Общечеловеческие социальные задачи глубочайшим образом связаны с Закладкой Камня Основы Всеобщего Антропософского Общества.

БЛИЗЯЩИЙСЯ ОПЫТ САМОДУХА

С возобновлением мистерий открывается поворотный пункт в истории человечества. Ведь это возобновление стало возможным лишь по окончании Кали-Юги. "Темной эпохи". Она длилась с 3101 года до Р. Х. до 1899 года. Она охватывает время египетско-вавилонской культуры, греко-римской культуры и первые века нынешней культурной эпохи, которая началась в 15 веке. В течение этих 5000 лет человечество проходило важное развитие сознания. Оно прошло через фазы Души ощущающей, Души рассудочной или характера и Души сознательной в нашу эпоху. Вследствие этого изменилось отношение человека к духовному миру. До эпохи Кали-Юга переживание духовного мира было ещё чем-то само собой разумеющимся: человек жил с духовными существами, он был ещё в лоне Богов. Наступление тёмной эпохи означало затмение сознания по отношению к духовному миру. Всё реже могла быть пережита его реальность. Но с помрачением сознания для духовного мира пробудилось сознание для земного мира. Шествие через тёмную эпоху было для человечества спуском вниз, погружением в физический мир ощущений вплоть до ясно-трезвого предметного сознания.

Эти сумерки Богов, это об-особление (Ab-Sonderung) от мира Богов было мировой необходимостью для того, чтобы человек стал самостоятельным существом. Останься

человек в лоне Богов, сегодня он был бы несвободным существом. Смысл тёмной эпохи осуществляется тем, что возникает возможность свободы для человека. Как дети однажды покидают родительский дом, так должен был человек покинуть свою духовную родину, чтоб он смог стоять и ходить на собственных ногах. Плодом этого развития является то, что мы переживаем себя как Я-существа. Современная ступень развития человечества может быть обозначена как ступень Души сознательной: Я пробуждается в душе к себе самому. С этим с необходимостью связана "анти-социальность". Но человек сам стремится к опыту, к переживанию (Erfahrung) духа: к новому самостоятельно приобретённому и сознательному братству.

Вопрос, **почему** возобновление мистерий связано с социальными задачами дает осознать, что древние мистерии - существовавшие до мистерии Голгофы - действовали под знаком индивидуализации. Они сопровождали человека на пути к индивидуальному человеческому становлению. Чтобы причаститься к ученичеству, ученик должен был удалиться от жизни, т. е. от социальных связей, в которых он жил. Между тем, возобновление мистерий направлено на будущее появление "Самодуха", на новую культуру братства. Начиная с настоящего времени должны быть заложены начала в этом направлении. Хотя мы находимся все ещё глубоко внутри пути развития Души Сознательной, однако развёртывание сил Самодуха должно Рыть подготовлено.

Что означает приближение Самодуха в настоящее время? Имея в виду Рождественское собрание 1923 года - как поворотный пункт развития сознания - мы ставим вопрос о духовной подоснове этого собрания. Фундаментальные шаги развития человечества не могут быть совершены без воздействий духовно реальных существ, без реального духовного события в подосновах земного бытия. К этому вопросу можно подойти с разных сторон. Направим внимание здесь на факт интимной связи зародышевых сил Самодуха с существом "Антропософия" ("Anthroposophie") как реальным существом. По завершении Тёмной эпохи Антропософия хочет прийти к связи с человечеством. Как некогда в греческой культуре "София" ощущалась как живое Духо-существо, так в настоящее время и ? будущем "Антропософия" может быть переживаема как живое Духо-существо.

Рудольф Штайнер указал на этот факт при основании Антропософского Общества в 1913 году. По случаю первого общего собрания 3 февраля 1913 года он говорил о существе "Антропософия"; он обрисовал её в связи с приближающимся Самодухом. Греки почитали Софию как небесную богиню. В поздние времена она изображается как существо "Философия", сначала у поэтов, как например у Данте, который сочинил о ней любовное стихотворение, позднее у художников. Она переживалась как одна из элементарных сил, как действующее существо, которое решительно вмешивается в бытие. В средние века для некоторых философов это было реальным событием - ощущать приближение возвышенной дамы "Философии" - как бы в непосредственном человеческом общении. Со времён средних веков духовная констелляция стала иной. Это существо является уже не тем, чем было когда-то; оно "прошло через человека", и вследствие этого София стала Антропо-Софией. "Она предъявит себя объективно: теперь не только лишь как "София", а как Антропософия, как та София, которая - пройдя через человеческую душу, через существо человека - носит отныне в себе это существо человека и представляется познающему человеку отныне так, как некогда София, объективное существо, что жило при греках"(4).

Это развитие существа имеет глубокий смысл. Ведь мы живём в эпоху Души сознательной, взирая на приближающийся Самодух подобно тому, как греки в эпоху Души рассудочной или характера взирали на восхождение Души сознательной. Как в то время "Философия" переживалась в виде конкретного реального существа, так предстает нам сегодня существо "Антропософия", которое говорит о приближающемся Самодухе, Свою лекцию на первом общем собрании Рудольф Штайнер заканчивает, побуждая тщательно проследить, каким образом из судьбы Софии, Философии и Антропософии

можно обнаружить, как развёртывается развитие человечества через душевные члены Души рассудочной или характера, Души Сознательной и Самодуха. Из этого можно будет понять, насколько глубоко в существе человека в целом заложена антропософия, "То, что мы воспринимаем посредством Антропософии, есть существо самих нас, которое раньше только долетало до человека, чтобы явить себя как небесная богиня, к которой он мог возыметь какое-то, отношение; которая жила как София, как Философия, и которую он снова родит из себя, ставя ее перед собой как результат истинного самопознания в антропософии. Мы можем спокойно ждать, пока мир захочет проследить, насколько глубоко до самых мелочей обосновано то, что мы имеем сказать. Ибо это и есть сущность Антропософии, что её собственная сущность состоит в том же, в чем и сущность человека; и это и есть сущность её действительности, что человек получает в антропософии то, чем он сам является, и что он должен поставить перед собой, ибо он должен заниматься самопознанием".

Намерения, которые лежали в основе образования первого Антропософского Общества в 1913 году, были таким образом ясно изложены членам. Не только в 1923 году, но уже и в 1913 году это основание Общества стояло под знаком следования зову из духовного мира. Факт этого зова был заново поднят в сознании при открытии Рождественского собрания 1923 года посредством указания на то, что при закладке Камня Основы дело касалось соединения с тем, "с чем мы так охотно осуществили бы завязь и в 1913 году". Общество было основано не на абстрактных принципах, а определенно как оболочка живого духо-существа. Это существо - "Антропософия", которая в эта время в непосредственно личном отношении подступает к человеку, чтобы подготовить сознательно сформированную социальную культуру Самодуха. Для своей деятельности на земле "Антропософия" нуждается в человеческом объединении, самопонимание которого связано с социальными задачами будущего.

II. СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭПОХУ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ

ЗАДАЧИ НА ПУТИ К САМОДУХУ

Окидывая взглядом текущее столетие, можно сказать, что социальные проблемы приобретают всё большие масштабы как в сфере мировой политики, так и в повседневной жизни. Из этого видно, что зачаток Самодуха настойчиво пробивается к "осуществлению" - особенно после окончания Тёмной эпохи. Мы хотя и живём в эпоху Души сознательной, но в многослойной реальности жизни развитие протекает не так схематично, как последовательная смена одной ступени за другой: основные силы Самодуха выявляются уже сейчас, "заключённые в Душе сознательной". Пока человек развивает последнюю, сзади уже поджидает - так выражает это Рудольф Штайнер - Самодух⁵. Отныне человечество будет испытывать предварительное брожение того, что должно наступить в шестую послеатлетическую эпоху. Таким образом, наше время будет ознаменовано двояко. Развитие Души сознательной, прогрессируя, пронизывает человека индивидуальным сознанием и возлагает всё на него. Но также сильно, как Душа сознательная вызывает антисоциальные последствия, приближающийся Самодух в то же время пробуждает тенденции социального. Вследствие этого, для нашей эпохи развитие социальных формирующих процессов может быть рассмотрено с двух сторон.

Во-первых: человек живёт в эпоху чётко выраженного самосознания; Я пробуждается в душе. Каждый находится посреди развития в направлении последовательной индивидуализации душевных сил. Каждый имеет свои собственные, индивидуальные точки зрения. Индивидуальное формирование суждения ценится высоко (действительно же оно не может быть оценено в должной мере), ибо на этом зиждется прогрессивное эпохи Души сознательной. В прежние времена человечество было менее чётко индивидуализировано; отдельный человек жил в объединении, которое характеризовалось

преимущественной общностью взглядов. Группа неким образом всегда имела единое мнение и каждый отдельный человек был в это включён; он весь был совершенно вросшим в группу. Прошли те времена, когда каждый был тотально вросшим в группу. Сегодня ясно, что каждый зависит только от самого себя: что каждый должен действовать индивидуально. - Это проявляет себя также в том, что иерархический социальный образующий принцип прошедших эпох сегодня отвергается. В древние времена-когда "групповая душа" была ещё господствующей - ведущая фигура объединения выступала как представитель групповой души, единого группового духа. На этом основывался иерархический принцип, который был тогда вполне оправдан. В настоящее время поднимаются протесты против отзвуков этого иерархического принципа, потому что каждый человек стремится к своим правам и отстаивает их.

В современном человечестве нужно жить с различными мнениями, также как и с различием в переживаниях и волеизъявлениях. Эти само собой разумеющиеся различия между индивидуумами в будущем будут увеличиваться. Поэтому встаёт проблема сотрудничества. Мы должны научиться сотрудничать вопреки различиям. Мы не можем стирать различия. Наоборот, более того, требуется, чтобы различия между людьми сделать плодотворными! Этим характеризуется одна перспектива развития Души сознательной, поскольку она рассматривается с точки зрения индивидуального Я.

Другая перспектива показывает: человек не мог стать самостоятельным, пока он управлялся групповыми духами. Эти групповые интеллигентности (Gruppen-Intelligenzen) должны были отступить, чтобы человек смог развиваться как Я. Постепенно, шаг за шагом отступили эти групповые существа для того, чтобы отдельный человек стал самостоятельным. Каждый человек должен принять на себя и ответственность за социальную жизнь; это заложено в смысле развития человечества. В определённой мере это - изначальный мотив развития человечества в новые времена: человек сам берёт на себя ответственность за социальные формы, которые он создает.

В книге "Как достигнуть познания высших миров?"(6) Рудольф Штайнер указывает на эти реальности в связи со встречей с "Малым Стражем порога", чьи слова дают осознать, что шаг через порог в духовный мир совершен. Страж обращается к индивидууму непосредственно и лично словами, значение которых по смыслу может быть выражено следующим образом: "Ты жил в семье; ты жил в народе; ты жил в расе. И в этих социальных связях жили существа, которые тобой правили, - ты был исполнительным органом этих существ, правивших тобой. Ты не осознавал этого. Но теперь эти существа отводят от тебя свои руки, и ты должен сам обрести силы, которые эти существа тебе некогда давали. Ты должен принять на себя ответственность за социальную жизнь". Это очень проникновенные слова, которые таким образом духовно обращены к человеку.

На пути своего развития после того, как у человека появляется возможность встречи с Малым Стражем, человек как личность должен познать не только свои собственные задачи, но он должен сознательно участвовать в работе над социальными задачами. Расширение его кругозора накладывает на него также расширенные обязанности. Этим указывается на нечто из того, что непременно должно появиться в развитии человечества. Ведь развитие Я наступило не для того, чтобы мы стали эгоистичными. Развитие Я пробуждается для того, чтобы открылась возможность чести ответственность. Путь человека в эволюции проходит через свободу и любовь. Подлинная свобода невозможна без любви; а подлинная любовь невозможна без свободы. 'Обе они связаны неразрывно.

Важно в этой связи, что Рудольф Штайнер в журнале "Luzifer-Gnosis" (1904/1905) **непосредственно** после статей, которые лежат в основе издания книги "Как достигнуть познания высших миров?" опубликовал свои статьи "Духовная наука и социальный вопрос", в которых он формулирует "основной социальный закон"(7). Этот закон характеризует исходные пункты для развития социальной жизни. Не случайно, что оба труда были опубликованы одновременно. Оба аспекта в момент возникновения действуют совместно таким же образом, как пробуждение развития Я человека в душе связано с тем,

что человек принимает на себя ответственность за свою социальную жизнь. Иначе говоря, в эпоху Души сознательной должны быть уже заложены зачатки для социальной культуры эпохи Самодуха. Постепенно обе перспективы развития Души сознательной должны быть одновременно реализованы: на пути осуществления Самодуха в становлении человечества.

Часто о грядущей эпохе Самодуха говорят как о чудесном и прекрасном времени, времени мира и гармонии, истинного братства. Однако Рудольф Штайнер часто прямо говорит об этой будущей эпохе таким образом, который указывает на её связь с намечающейся уже в наше время "войной всех против всех" - хаотическим разложением до атомов всех Я в борьбе друг против друга, ибо это также одна из необходимостей эволюции: истинное братство может возникнуть только там, где имеется также и противоположность. Не очень трудно быть честным в мире, в котором все ещё честны. Однако трудно быть -честным в мире, в котором господствует ложь. Вот тогда и должна быть завоёвана эта честность, исходя из Я. Истинная любовь может расцвести лишь в мире, в котором она будет испытана; где господствует также и ненависть. Это будет драмой этой эпохи Самодуха. Истинно доброе сможет стать действительностью в мире, лишь если будут выдержаны и испытания злом. Ангел Силезский, мистик 17 века, выразил это так: "Это королевское право зла, которое рождает добро". Здесь действует закон: это правда королевское право злого - помогать рождению доброго. Это характеризует задачу зла в целостности эволюции - оказывать сопротивление, чтобы укрепить добро.

Поэтому было бы иллюзией думать о грядущей эпохе Самодуха как о времени лишь мира и гармонии. Истинное братство может возникнуть лишь там, где имеется также и противоположность. Рассматривая социальную жизнь, мы таким образом непосредственно находим себя в мировой карме. Каждый переживает нужды мира, и каждый должен освободить себя от обособленности, в которой он живёт. Именно поэтому работа в социальном - это вопрос общечеловеческо-терапевтического деяния.

ИСЦЕЛЕНИЕ - ЗАДАЧА СЕРЕДИНЫ

Исцеление социальной жизни, Рудольф Штайнер вложил как особенную задачу в сердце человека средневропейского пространства. В 1918 году он говорил о Гигиеническом оккультизме как о задаче Середины⁸. Этот факт означает, что в человечестве стремятся к развёртыванию задатки и возможности, которые по большей части ещё являются скрытыми или "оккультными". Поскольку человечество дифференцировано в себе самом - на человечество Востока, Середины и Запада - в будущем должны развиваться оккультные способности трёх видов. То, как эти способности будут проявляться дифференцированно, распределяясь на все человечество, однако в то же время, проникая друг в друга - излагается в лекции от 1 декабря 1918 года. И посредством соответствующих особенностей, также как и одновременно взаимным проникновением будет в будущем обусловлена социальная связь на всей земле. Наряду с Евгеническим оккультизмом Востока -и Механическим оккультизмом Запада, настойчиво стремится к осуществлению Гигиенический оккультизм в Середине. Внести целительные импульсы в культуру - задача Средней Европы.

Когда Рудольф Штайнер говорил о **Гигиеническом оккультизме**, он, конечно, вкладывал в это весьма широкий смысл. Этот смысл охватывал не только область медицины, но и педагогики, область искусств и особенно - область социального. Для всех этих областей призыв к осуществлению Гигиенического оккультизма содержит обращение из Духовной науки - целительно воздействовать на культуру, - в повседневных действиях. В созвучии с этим Рудольф Штайнер в более поздние годы обновил многие профессиональные области своими импульсами, - например, медицину, педагогику. Это обновление профессиональных областей было совершено в Смысле творческого

углубления: наука врачевания стала искусством лечения, а наука воспитания стала искусством воспитания. Не случайно и не какой-то второстепенный факт то, что Рудольф Штайнер ясно говорит о врачебном искусстве и педагогическом искусстве. Ибо этим был сделан шаг от одного лишь знания к формирующему деянию - и это в смысле Гигиенического оккультизма. Чтобы действовать целительно на культуру, на все области жизни и в социальном, исходя из духовной науки, мы нуждаемся в искусстве социального как в искусстве действия, подобающего человеку. Однако было бы недоразумением под искусством социального" понимать нечто такое, что должно "приукрасить" социальные отношения. Наоборот, это скорее подразумевает шаг в сферу искусства так, как это было сделано для лечебного искусства и искусства воспитания: искусство социального как искусство действия в повседневной жизни.

Каждая социальная ситуация - также как и искусство - в принципе неповторима. Когда мы действуем в социальном, это всегда означает вхождение в подробности специфических ситуаций. В социальном мы никогда не оказываемся в одной и той же ситуации: напротив, каждая ситуация всегда бросает новые, неожиданные вызовы. Каждое вступление в неповторимость, специфичность ситуаций, это "сообразное с ситуацией" действие в социальном делает поступок искусством. Оно заставляет стать творцом социального. - Как мог бы иначе пробудиться Самодух в социальной связи? Искусство социального - это дело каждого отдельного человека. Об искусстве врачевания ещё можно сказать: это дело врачей; искусство воспитания - это дело учителей и родителей. Последнее уже явно шире. Однако, искусство социального - это для каждого! **Каждый отдельный человек** имеет "профессию" действия в социальных связях. Мы должны стать творцами социального - чтобы становление Самодуха могло происходить на этом пути.

Следовательно, ставится вопрос: **Как** можем мы стать творцами социального в повседневной жизни? Откуда черпаем мы силы, которые нам нужны для осуществления в культуре целительных импульсов? Где находим мы источники искусства социального? Можем ли мы деяние Рождественского собрания 1923 года понять как импульс к развёртыванию искусства социального? Что означает это Рождественское собрание - не как философская проблема, а как действенная задача, которая в социальном должна быть осуществлена путём искусства - в смысле искусства социального. В поисках ответов на эти вопросы данное исследование обращается прежде всего к антропологическим перспективам.

III. ПОИСКИ СОЦИАЛЬНОГО ИСКУССТВА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Значение, придаваемое Рудольфом Штайнером социальной проблематике нашего времени, выявляется, если посмотреть на широкую активность, которую он развернул в этой связи. Занятие социальными вопросами занимает весьма значительное место в его жизненной деятельности. Идея трёхчленности социального организма - результат более чем тридцатилетних его исследований - была предана гласности с 1917 года. Не только в лекциях, но и в книге "Основные пункты социального вопросам (1919)", а также посредством движения "трёхчленности" была сделана попытка показать направления работы к преодолению социальной проблематики нашего времени.

Возможно, здесь не место описывать это подробное.(9) Но вновь и вновь возникает вопрос: почему в то время движение трёхчленности не смогло осуществиться? Почему не смогло оно стать плодотворным для всеобщей культуры? Конечно, имеется не только **один** правильный ответ на этот вопрос. Здесь будет указано только на то, что Рудольф Штайнер сам говорил об этом, когда он в последний раз публично говорил о социальной трёхчленности, в последнем докладе конгресса "Запад-Восток" в Вене (июнь 1922 года) (10)". Ссылаясь на книгу "Основные пункты социального вопроса", он констатирует, что

"эта публикация в своей основе была всеми неправильно понята, к тому же как раз по той причине, что её сперва поставили в ряд с теми сочинениями, которые в более или менее утопической манере пытались изобразить во внешних устройствах (институтах) то, что их авторы ощущали как некоего рода целебное средство против хаотических социальных состояний, которые возникли в ходе сравнительно нового развития человечества. Мой труд был до некоторой степени обращением не к размышлению о всякого рода устройствах, а обращением непосредственно к человеческой природе. То, что этого и быть не могло иначе, исходя из духовно-научных оснований, ведь явствует из всей позиции прочитанных до сих пор лекций".

Идея социальной трёхчленности отовсюду встретила непонимание, поскольку её рассматривали как попытку, которая "разрешает" социальные вопросы через внешне устройства. Идею трёхчленности понимали внешне, а не как обращение непосредственно к человеческой природе. Не следует делать упреки за то, что в то время она в своей истинной жизненной форме была понята недостаточно. Можно только сказать: Что же мы понимаем под "социальной жизнью"? Разве то, что мы называем социальной жизнью, то же самое, что Рудольф Штайнер имел в виду, говоря о социальной жизни? В этом состоит коренной вопрос.

Социальная жизнь в своей действительности есть реальная ткань сил и импульсов. В социальной жизни творят реальные силы как импульсы-энергии, как созидающая действительность волевых импульсов формирования. Реальность социального не может быть постигнута представлениями, которыми мы пользуемся в обыденной жизни. Мы, естественно, создаём себе представления о социальной жизни; мы развиваем представления о других людях; представления обо всём, что происходит в общем или в частном, - и мы пытаемся, исходя из этих представлений, что-то изменить в данной социальной жизни. Всё это хорошо, но в конечном итоге всё, что делается в социальном, исходя из представлений, всё это является в некотором роде конструированием.

Рудольф Штайнер на основе человековедения обосновал этот факт, обратив внимание на то, что в момент, когда человек утром пробуждается из сна к сознательному мышлению, в нем, разумеется, непосредственно шевелится антисоциальный импульс. Это происходит потому, что мыслящее сознание может возникнуть, лишь когда личностное сознание обособляется от внешнего мира, противопоставляет себя ему. Всякое индивидуальное сознание может существовать пока что благодаря только тому, что человек внутренне освобождает себя от связанности с внешним миром; а также и от другого человека. Следствием этого является то, что современный человек - насколько речь может идти о его представляющем мышлении - **должен** быть антисоциальным существом, если он вообще хочет придти к индивидуальному сознанию.

Представляющее мышление имеет предпосылкой своего существования антисоциальный элемент. Если попытаться интеллектом, по своей природе антисоциальным, вмешаться в социальную жизнь, регулируя или упорядочивая её, то результатом непременно будет хаос; и это потому, что непреобразованная жизнь представлений непригодна для понимания истинных сил, действующих в социальной жизни, её истинных импульсов. Лишь сознательное стремление оживить эту жизнь представлений, может действовать социально плодотворно.

Также наша **жизнь чувств**, какой мы её "имеем" в обычной жизни, является непригодной для достижения социальной действительности. Ведь жизнь чувств пропитана симпатией и антипатией. Они играют решающую роль в человеческом общении. Конечно: внешние отношения и положения вещей часто требуют, чтобы чувства отступили на задний план. Однако, наши отношения к другим людям в большой мере предопределены симпатиями или антипатиями, которые, естественно, не имеют объективных оснований. Следствием этого может быть не только "совершенное стирание кармических отношений, и человек может пойти по совершенно ложным путям"(11), но кроме того, на этих душевных силах не может быть построена социальная жизнь. Если попытаться

представить себе социальную жизнь, построенную на симпатии и антипатии, тотчас станет очевидно: это невозможно. С точки зрения человековедения в основе этого лежит факт, что чувства беспрестанно искажают образы, которые мы имеем друг о друге. Не только антипатия, но также и симпатия: **обе** основные силы чувственной душевной жизни искажают взаимное понимание. Как часто случается, что человеческие дружеские связи, возникшие из сильных симпатий, под конец переходят в антипатию, или даже оборачиваются враждой и совсем обрываются. Разочарование в том, что первый, симпатичный образ не соответствует реальности, ведёт затем к таким же выцветшим образам, которые теперь происходят из антипатии. Радость и страдание в человеческих отношениях часто зависят от таких внутренних процессов. С этим связано то основное упражнение, которое предлагает Рудольф Штайнер: стараться добиваться истинного образа другого человека, истинных образов, свободных от симпатий и антипатий. Ведь оздоровление социальной жизни возможно лишь в той мере, в какой мы освобождаемся в наших действиях от симпатий и антипатий.

Чувства, естественно, бесконечно важны; без чувств мы не могли бы пережить сугубо человеческое нашего бытия. Однако в силе тот факт - и Рудольф Штайнер называет это парадоксом, живым противоречием - что мы, с одной стороны, переживаем чувствами нашу человеческую сущность; но что, с другой стороны, благодаря этому, межчеловеческое общение мы строим по симпатиям и антипатиям: т. е. мы заранее вливаем в общество ложные потоки чувств. "То, что приходит от человека через симпатии и антипатии, заведомо таково, что оно бросает в человеческое общество антисоциальные потоки жизни. Можно сказать, как бы парадоксально это ни звучало, что социальное общество возможно было бы фактически только в том случае, если бы люди жили не в симпатиях и антипатиях. Но тогда они не были бы людьми. Из этого опять-таки следует, что человек одновременно есть и социальное и антисоциальное существо, и, следовательно, то, что называют "социальным вопросом", должно учитывать интимности человеческого существа"(12).

Относительно **воли мы живём** социально в ещё больших иллюзиях. Волевые импульсы сегодня связаны с телесным существованием человека таким образом, что они не сознательно состоят на службе Я. Вместо того, чтобы ею двигали любовь и самоотверженность, воля остаётся замкнутой в эгоизме собственных устремлений. Любовь может проявляться в самых разнообразных формах. Как должны были бы выживать дети, если бы за ними не ухаживали с самоотверженной любовью, если бы они не воспитывались в беспристрастной педагогической любви? Однако, в рамках естественных связей любовь имеет нечто исключительное. Детям эта естественная исключительность по большей части идёт на благо. Но всякая любовь, которая в своём действии не выходит за пределы личной сферы несёт черты душевного себялюбия.

Рудольф Штайнер говорит о важной тайне, которую можно раскрыть пониманием того, что даже в любви лежит источник антисоциальных импульсов. "Может быть, именно когда полагают, что растворяются в переливающейся через край любви к какому-то человеку, в действительности любят не другого человека, а любят связанность с другим человеком в собственной душе..... Любят, в общем, самого себя, разжигая это себялюбие в отношениях с другим. Это важная жизненная тайна. Это имеет совершенно невероятное значение. Ведь в иллюзии об этой любви, о которой верят, что она есть любовь, но которая на самом деле лишь себялюбие, самомания и эгоизм, замаскированный эгоизм - наиболее распространённая любовь, которая разыгрывается от человека к человеку и называется любовью, является лишь замаскированным эгоизмом - в этой иллюзии лежит источник наибольших и обширнейших антисоциальных импульсов, какие только можно себе представить. Через это себялюбие, которое маскируется любовью, человек совершенно явно становится антисоциальным существом".(12)

Нас может потрясти осознание факта, что многое из того, что в обыденном сознании живёт в душе - и что для социальной жизни нам казалось полезным - непригодно для того,

что-бы способствовать оздоровлению социальной жизни. Вследствие этого возникают серьезные вопросы. Как может быть обосновано то, что страстно желает каждый человек как социальной жизни? Где найти социальное в своей прареальности? Мы должны сказать себе: действительность социального обосновывается не здесь. Наивность в социальной жизни едва ли даст возможность понять, что мир социального являет действительность импульсов, которая ускользает от обыденного сознания. Как можем мы приблизиться к миру этих импульсов?

ПОТОК РЕАЛЬНОСТИ НОЧЬЮ МИРА

Чтобы заглянуть в подлинную реальность социального, мы должны в первую очередь обратиться к состоянию сна. Мы "асоциальны" ночью! Здесь мы встречаем друг друга "по-настоящему". Днём люди противостоят друг другу как разъединённые существа, особняком. В мгновение, когда сознание переходит в состояние сна, это пространственное разъединение прекращается. Освобождённые от ограничений прикованного к телесности пространственного мира, человеческие Я пронизывают друг друга как духовно-душевные существа. Днём мы ещё можем замкнуться, можем утаивать наши мотивы, можем ещё что-то симулировать друг перед другом. Но ночью мы - открытая книга друг для друга. Мы смотрим в душу другого человека - налицо социальная жизнь как реальность.

Реальность того, что этим говорится, живёт в народе: "нужно хотя бы одну ночь поспать перед принятием решения". Лишь по-иному образованная, по-иному мотивированная встреча в ночи даёт возможность - свободно от замутнений дневного сознания - открыто объясняться с ближними и принимать решения согласно духовной реальности намерений. Каждый Может судить, что это значит для социальной жизни. Решения, которые приняты только и "исключительно" исходя из дневного сознания - где плоды реального духовного "ночного объяснения не всплывают в сознании - не могут быть по-настоящему плодотворны для социальной жизни.

Радикально высказывается Рудольф Штайнер по этому поводу: "Для сегодняшнего человека дело обстоит так, что он не сможет придти к плодотворным решениям, если он хочет принять эти решения во время от утра до вечера; он должен пророчески жить в них в предыдущей ночи... Ибо человек должен знать: когда он утром пробуждается, он уже, как внутренний пророк, подготовил то, что он должен решить в течении дня. По-настоящему плодотворно лишь то, что он имеет готовым, когда пробуждается утром. Всё остальное всё более и более будет приводить к бедствиям и лишениям, всё - живущее в том ложном убеждении, что человек приходит к своим решениям в течении дня - когда он находится в физическом теле".(13)

Возникает вопрос: Как нам стать социальными и в дневной жизни? Конечно, можно до некоторой степени быть утешенным тем смутным чувством, что хотя бы в продолжении ночи мы находимся в социальном состоянии. Но как нам вносить импульсы из ночного мира в дневную жизнь? Если поставить вопрос так. станет ясно, что в истинно социальном поступке речь идет о некоего рода **искусстве**: об осуществлении сверхчувственных импульсов! Это дело искусства - **заново осуществить чувственный мир на основе духовных импульсов**. Лишь благодаря тому, что источники сил для социальной жизни не могут быть открыты в обыденном сознании, а основаны в сверхчувственном, **социальный вопрос** можно понимать как **вопрос искусства**.

Повторим ещё раз: здесь речь идёт об "искусстве действия" в обыденной жизни. Основание Свободной высшей школы духовной науки и её секций в 1924 году было направлено на обновление профессиональной деятельности, как вклад в спиритуализацию и исцеление культурной жизни. Обновление профессий, исходящее из сознательно охваченной духовности, возможно лишь, если будет совершён шаг в сторону искусства, в сторону творческого. Как должен выглядеть этот шаг в искусство, в творческое для сообразного с Духом действия в социальной жизни, чтобы данные жизненные формы

были развиты в новые образования? Даны ли в трудах Рудольфа Штайнера опорные точки, указания, которые могут привести к реализации социального искусства?

С конца 1918 года Рудольф Штайнер говорит с членами Антропософского Общества почти исключительно о социальном вопросе. В 1919 году это становится центральной темой: он неустанно пытается пробудить понимание действительности социального. Эта действительность освещается из самых различных перспектив. До осени 1920 года продолжают эти циклы лекций. Лишь после этого стали появляться для членов Антропософского Общества другие темы.

В сентябрьские дни 1920 года в Дорнахе Рудольф Штайнер прочитал лекцию об искусстве: "Сверхчувственное происхождение художественного".(14) В самом же начале сказано, что "из этого явится нечто, что позднее может быть использовано также и для обзора социальной жизни". Далее это не излагается более точно; доклад держится в рамках рассмотрения искусств.

Однако из содержания можно усмотреть, что это указание на социальную жизнь намекает на зачатки социального искусства. На первый взгляд сделанное указание почти непонятно. Это загадочные слова: Рудольф Штайнер дал этим только определённое направление. Что имел он ввиду, произнося это? Как может быть реализовано это направление? В поисках источников сил социального искусства сначала должно быть более чётко рассмотрено содержание упомянутой лекции об искусстве.

IV. СВЕРХЧУВСТВЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСКУССТВ ИСХОДНЫЕ ПУНКТЫ РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА

В лекции 12 сентября 1920 года Рудольфом Штайнером был избран определенный исходный пункт относительно классификации искусств. В предыдущие годы много говорилось о сущности искусств - исходя из различных точек зрения. Так, например, в декабре 1914 года в курсе лекций о "Преобразовательных импульсах эволюции человечества в искусстве". В них была окинута взором связь отдельных искусств с членами человеческого существа. Были рассмотрены зодчество, скульптура, живопись, музыка, поэзия и эвритмия. Рудольф Штайнер показывает, как порождается каждое из этих искусств благодаря тому, что более высокий член человеческого существа погружается в ближайший низший. (15)

В сентябре 1920 года взор направляется на нечто другое. Ведётся работа над выявлением различий между искусствами: теми, которые выливаются в устойчивое конечное произведение, которое предстаёт наглядно перед взором - этот продукт искусства налицо в **пространстве** - и теми произведениями искусства, которые принимают свою форму в медиуме **времени** - эти искусства должны постоянно заново производиться. Первые - это архитектура, зодчество, пластическая скульптура: т. е. **формообразующие* искусства**(*Автор нетрадиционно использует термин bildende Künste - изобразительные искусства, относя к нему архитектуру, зодчество, скульптуру и исключая из него живопись. С учетом этого, а также семантики немецкого слова bildende термин переводится как "формообразующие искусства".*), которые находят своё осуществление в пространстве; последние - это **музыкальные искусства**: музыка, которая представляет свой образ во времени, и поэзия, живущая в рифме и ритме, переживаемая, как искусство, также только во времени. По этой классификации в середине находится живопись. Итак, выявляется следующий аспект:

- формообразующие искусства (в пространстве) - трёхмерны;
- живопись (в плоскости) - двухмерна;
- музыкальное искусство (текущее во времени) - одномерно.

При рассмотрении искусств мы исходим из вопроса: Что побуждает человека создавать произведения искусства? Каков объективный и исходящий из реальности повод для того, чтобы внести искусства в данную жизнь?

В материалистическую эпоху сверхчувственное происхождение творческого, искусства забыто. Натурализм, подражание природному бытию в искусстве в эту эпоху увеличились. Истинное чувство творческого, искусства, однако, может рассматривать и по-настоящему переживать как искусство лишь то, что как-то выходит за рамки природы, что пытается посредством изображения дать нечто другое, чем лишь то, что природа сама по себе и без того может дать человеку. Почему человек выходит за рамки природы в пластике, живописи, поэзии? Ответ на этот вопрос может быть методически найден, если обратить внимание на различия **в переживании** в связи с отдельными искусствами. Путь здесь ведёт через нюансирование определённых ощущений. В виду своего методического значения, пусть будет воспроизведено здесь относящееся к этому высказывание Рудольфа Штайнера:

"Мне кажется, что скульптор, который работает над созданием человеческой формы, имеет совершенно различные ощущения при создании формы, когда он пластически работает над головой и когда он формирует остальное тело. Эти две вещи, непосредственно в работе в корне отличны друг от друга: пластическое формирование головы от пластического формирования остального тела. Если мне будет позволено более или менее грубо выразиться, то мне хотелось бы сказать: Когда работают над пластическим формированием человеческой головы, то имеют чувство, что материал постоянно всасывает, что материал хочет втянуть в себя. А когда пластически художественно формируют остальное человеческое тело, тогда имеют чувство, что всюду, собственно, неоправданно давят, колят в тело, что извне вталкивают вовнутрь. Имеют чувство, что остальное тело формируют извне, что формы образуются извне. Так, когда формируют тело, имеют чувство, что собственно вработываются извне, а когда формируют голову, то имеют чувство, что - изнутри.(22)

Это мне представляется своеобразным чувством при пластическом формировании, которое, несомненно, ещё имел греческий творец и которое было утрачено лишь в натуралистический период, когда начали превращаться в раба модели. Спрашивается: откуда происходит, собственно, именно такое чувство, когда при ориентации на сверхчувственное мы хотим образовать человеческую форму?

Всё это связано с гораздо более глубокими вопросами, и я хочу, прежде чем перейти к этому, упомянуть ещё об одном. Подумайте только, какое сильное чувство какой-то интимности переживания имеем мы по отношению к пластике и архитектуре, несмотря на то, что они формируют, казалось бы, внешним образом, и во внешнем материале: при архитектуре мы внутренне переживаем динамику, переживаем внутренне, как колонна несёт балку, как колонна превращается в капитель. Мы внутренне сопереживаем тому, что сформировано внешне. Подобным же образом это имеет 'место и в случае пластики (скульптуры).

Такого нет в музыке, и особенно в поэзии. В случае поэзии мне кажется совершенно очевидным, что при формировании стихотворного материала дело обстоит так (я вновь выражаюсь весьма смело): говоря прозой ещё как-то удерживают слова в гортани, но когда начинают формировать эти слова в ямбы или трохеи, когда их рифмуют, создаётся впечатление, будто бы они вот-вот убегут, и нужно гнаться за ними. Они больше населяют окружающую человека атмосферу, чем его внутреннее. Поэтическое искусство ощущают как гораздо более внешнее, чем, к примеру, архитектуру и пластику. И также, пожалуй, в случае музыкального, если направить чувство на него. Музыкальные тона тоже оживляют всё окружение человека. Собственно говоря, мы забываем пространство и время, или, по меньшей мере, пространство, и изживаем себя в моральном переживании. Здесь нет чувства, которое мы имеем при стихотворном искусстве -будто бы нужно гнаться за формами, которые мы создаём; но есть чувство, что нужно вплыть в неопределённый, всюду распространяющийся элемент и при этом плавании растворять себя самого.

Вот, видите ли, здесь мы начинаем нюансировать определённые ощущения

относительно всей сущности творческого, искусства. Мы придаём этим ощущениям вполне определённый характер". (14)

Этот интимный способ рассмотрения приводит Рудольфа Штайнера к углублённому описанию отдельных искусств.

ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ИСКУССТВА

"Выявляются вполне нюансированные душевные состояния, если пластическое, архитектурное действительно переживать внутренне, если следовать за динамикой, механикой и так далее при архитектуре, если следовать за округлённостью форм в скульптуре. Здесь открывается необычайный путь, который создаётся внутренним миром ощущений: здесь имеем дело с душевным переживанием, которое очень похоже на память. Кто имеет переживание воспоминания, переживание памяти, тот замечает, как становится ощущение архитектурного и скульптурного подобным внутреннему событию воспоминания. Но воспоминание находится всё же на более высокой ступени. Другими словами: постепенно, способом чувствования архитектурного и скульптурного человек приближается к тому душевному ощущению, тому душевному переживанию, которое знакомо для исследователя духа, как воспоминание о состояниях до рождения. И в действительности, образ жизни между смертью и новым рождением во взаимосвязи с целой вселенной, когда человек, чувствуя, движется в разных направлениях как душевный дух или духовная душа, сходится с одними существами, находясь с другими существами в равновесии, - итак, то, что изведено и пережито между смертью и новым рождением, вспоминается сначала подсознательно, и это воспроизводится на деле в архитектурном искусстве и пластике.

И когда мы, таким образом, вновь переживаем это своеобразие нашим внутренним присутствием (Dabeisein) при пластике и архитектуре, тогда мы обнаруживаем, что, собственно, в пластике и архитектуре 'мы не хотим ничего другого, как того чтобы каким-то волшебством вовлечь в физически ощущаемый мир те переживания, которые мы имели в духовном мире до рождения, т. е. соответственно, до нашего зачатия".

На этом пути обнаруживается, что даёт нам способность творить формообразующие искусства. До рождения человек деятелен пластически-формирующе. Как человек земли, каждый из нас имеет облик, который носит индивидуальный характер. Откуда происходит этот облик? Он был построен задолго до рождения как духовная силовая форма. Самое важное, что делается в духовном мире совместно с духовными существами иерархий в длительное время перед рождением, соответственно, перед зачатием, есть приготовление для будущей земной жизни: пластическая архитектура этой духовной силовой формы. В последней фазе инкарнации, во время эмбрионального состояния имеется налицо чудесное строительство форм, в изменении и движении, бесконечная организмообразующая активность. Это активное действие силовой формы, духовного зародыша; ни одно человеческое существо не смогло бы возникнуть, если бы духовный зародыш не соединился с физическим зародышем. Этот духовный зародыш организует субстанцию для образования индивидуального организма, как магнит располагает железные опилки в определённом порядке. (16)

Когда человек творит на земле формообразующие искусства, он продолжает эту деятельность! Если бы не было этой деятельности до рождения, если бы мы сами не были деятельными активно формирующе, на земле не было бы ни зодчества, ни скульптуры; они не существовали бы на земле. Силы, которыми мы творим формообразующие искусства, живут как некий род воспоминаний о развёртывании в нас сил во время, предшествующее рождению.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА

Исходя из каких подоснов создаёт человек музыкальные искусства: музыку и поэзию? Мы ведь могли бы обходиться и без этого, ведь музыка "непрактична". Архитектура, по крайней мере, "практична". Мы приобретаем хотя бы дом, где можем жить. Архитектура ведь всегда имеет и аспект полезности, - но зачем нам музыка?

Что является здесь основным, поясняется в лекции на примере поэтического искусства: "Настоящая поэзия исходит из всего человека. И что она делает? Она не останавливается на прозе: она придаёт форму прозе (образует прозу), она вносит в прозу такт, ритм. Она делает нечто, что трезвый прозаик находит просто излишним для жизни. Она ещё дополнительно формирует то, что - в неоформленном виде - уже дало бы смысл, который хотят связать с ним. Когда при такой рецитации, которая является настоящим искусством, человек обретает ощущение того, что художник-стихотворец делает из прозаического содержания, тогда он снова приходит к своеобразному характеру ощущений. Невозможно только лишь прозаическое содержание стихотворения ощутить как стихотворение. Как стихотворение ощущается то, как слова перекатываются в ямбах, или трохеях, или в анапестах, как звуки повторяются в аллитерациях, ассоциациях, созвучиях или в других рифмах. Ощущают много другого, что находится в "как" формирования прозаического материала. Это то, что в рецитации должно быть внутри. Если рецитируют так, что передают только прозаическое содержание, если даже оно извлекается, казалось бы, глубоко изнутри, полагают, что рецитировали "художественно"! Если же действительно удержать перед собой этот своеобразный нюанс ощущения, который содержится в ощущении поэтического, тогда приходим к тому, что говорим себе: это, собственно, выходит за рамки обычного ощущения, так как обычное ощущение приковано к предметам чувственного бытия, а поэтическая форма не прикована к предметам чувственного бытия. Прежде я выразил это тем, что сказал: поэтическая форма живёт больше в атмосфере, окружающей человека; иными словами, мы хотим вырваться из себя, чтобы пережить вне себя слова поэта по-настоящему.

Это происходит потому, что человек формирует из себя нечто, что никак не может быть пережито между рождением и смертью. Формируем изнутри нечто душевное, без чего могли бы и обойтись, если хотим только жить между рождением и смертью. Можно прекрасно прожить до смерти и умереть без свершения чего-то иного, кроме как того, чтобы сделать трезвое прозаическое содержание - содержанием жизни. Но почему ощущаем мы потребность вложить в это трезвое прозаическое содержание ещё и ритм, и ассонанс, и аллитерацию, и рифмы? А оттого, что имеем в себе больше, чем нуждаемся в продолжении времени до смерти, оттого, что ещё в этой жизни хотим оформить то, чего в себе имеем больше, чем нуждаемся в продолжении времени до смерти. Это есть предвидение той жизни, которая следует за смертью: Оттого, что в себе уже несём то, что следует после смерти, хочется не просто говорить, а говорить поэтично".

На примере поэтического искусства излагается то, что остаётся в силе для всей сферы музыкальных искусств. Становится ясно: когда человек творит произведения музыкального искусства, то их спиритуальный смысл развёртывается полностью лишь в жизни после смерти. Как формообразующие пластически-архитектурные силы немислимы без жизни до рождения, также музыкально формирующие силы немислимы без жизни после смерти. В смерти человек вступает в духовный мир; в мир гармонии сфер - в "музыку сфер". Человек во время смерти сбрасывает своё физическое тело: он живёт в эфирном теле. Раз это тело является носителем наших воспоминаний, мы переживаем жизненную панораму, которая все переживания биографической жизни сводит в одну жизненную картину. Это длится примерно три дня. Затем мы высвобождаемся от эфирного тела: человек продолжает жить в своём астральном теле. Астральное тело является носителем музыкального элемента. Это астральное тело словно стремится обратно на свою родину. Родиной астрального тела является звёздный мир. Астральное тело уводит в гармонию сфер, во всё более интенсивно звучащую мировую действительность: в космически-мировую музыку сфер. Если бы человек после смерти не

проникал в эту звучащую мировую музыкальность и не устремлялся к ней, тогда на земле не было бы музыкальных искусств. Музыкальное есть предвидение (Voraus-Sicht) образа жизни, которая следует после земной смерти.

ЖИВОПИСЬ

Что побуждает нас творить живопись? Исходя, из каких основных сил занимаемся мы живописью?

"Есть ещё и духовный мир, который находится за нашим чувственным миром. Грубый материалист - физик или биолог говорит об атомах и молекулах за чувственным миром. Это не молекулы и атомы. За сим находятся духовные существа. Здесь духовный мир, мир, в котором мы живём между засыпанием и пробуждением. Этот мир, который мы переносим сюда из сна, он и является тем, что собственно, нас воодушевляет, когда мы занимаемся живописью, таким образом мы переносим на полотно или на стену пространственно окружающий нас духовный мир. Поэтому нужно очень заботиться о том, чтобы при живописи исходить из краски, а не из линии, так как линия лжёт в живописи. Линия всегда есть нечто от воспоминания ? жизни до рождения. Если приступить к живописи в сознании, распростёртом на духовный мир, то мы должны изображать то, что исходит из цвета. И мы знаем, что в астральном мире переживается цвет. Когда мы входим в мир, в котором мы живём между засыпанием и пробуждением, мы переживаем эту красочность цвета. И то, как мы хотим создать гармонию красок, как мы хотим нанести краски на полотно, это есть не что иное, как то, что нас побуждает: мы вталкиваем, мы даём втекать в наше бодрствующее тело тому, что мы пережили между засыпанием и пробуждением. Оно здесь, внутри, и это хочет человек: перенести в живописи на полотно. Опять-таки, то, что выступает в живописи, есть воспроизведение сверхчувственного".

Основные силы, которые делают человека способным творить живопись, художник черпает из ночи. Каждую ночь мы: живём как душевно-духовные существа в духовном мире. Мы смотрим друг на друга: душевное существо другого для нас подобно "открытой книге". Но мы смотрим также на самих себя, мы смотрим назад на переживания дня. Днём мы пережили многое, чего не смогли постичь: оно осталось темным для нас. Мы вносим эту темноту в мир света, где она будет "про-светлена" (durch-leuchtet) - и благодаря этому мы вступаем в цветовой мир. Между светом и тьмой играют краски. Так мы живём ночью в игре (в изменчивости) света и тьмы, в цвете. И когда мы пробуждаемся в дневном сознании, мы черпаем из свето- и цветопереживаний наших ночей импульсы к живописи. Если бы каждую ночь мы не имели этих переживаний, живопись на земле была бы невозможна, - она не существовала бы.

ЭВРИТМИЯ

В начале лекции Рудольф Штайнер исходил из высоких искусств: из пластики, архитектуры, живописи, поэзии и музыки. Из Антропософии родилось новое искусство: эвритмия. Какое место могло бы занять это искусство в данном контексте?

"Если мы теперь, исходя из познания, которое - как и антропософски ориентированная духовная наука - непосредственно направлено на познание духовного мира, на то, чтобы воспринимать духовный мир в представлении, мышлении, чувствовании, ощущении, волеии, то здесь возникает материнская почва для искусства, которое в определённой мере синтетически связывает воедино доземное с послеземным.

Рассмотрим эвритмию. Мы приводим в движение само человеческое тело. Что собственно приводим мы в движение? Мы приводим в движение человеческий организм, так что движутся его члены. Конечности есть то, что преимущественным образом продолжает жить в последующей земной жизни, то, что указывает на будущее, на то, что

будет после смерти. Но как же формируем мы то, что порождаем в эвритмии в виде движений конечностей? Чувственно-сверхчувственно мы изучаем, как из головы - через интеллектуальные задатки и через задатки ощущения в груди - образовались, переходя из прежней жизни я теперешнюю, гортань и вообще органы речи. Мы непосредственно связываем доземное с послеземным. Мы берём из земной жизни лишь то, что теперь есть физический материал: самого человека, который есть орудие, инструмент для эвритмии. Но мы позволяем выявиться в человеке тому, что мы внутренне изучаем, что в нём подготовлено прежней жизнью, и мы переносим это на конечности его тела, т. е. на то, в чём подготавливается жизнь после смерти.

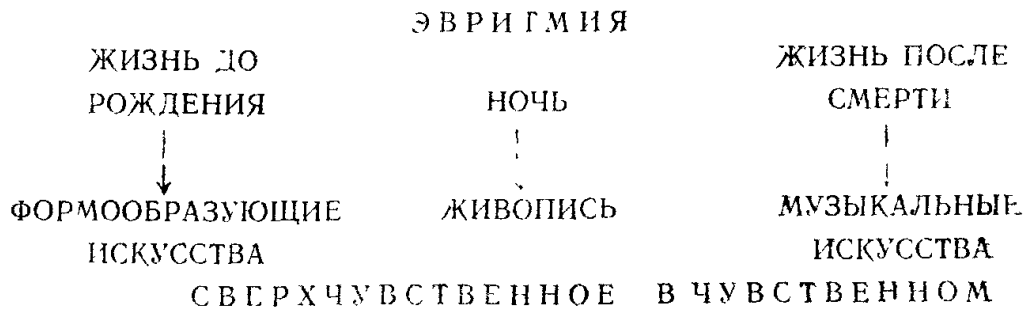
Мы производим в эвритмии такое формирование и движение человеческого организма, которые являются непосредственным внешним доказательством сожития человека со сверхчувственным миром. Непосредственным образом связываем мы человека со сверхчувственным миром; давая ему заниматься эвритмией.

Везде, где из истинного творческого настроения образуется искусство, оно является свидетельством связи человека со сверхчувственными мирами. И если в наше время человек призывается к тому, чтобы в определённой мере принять богов в свои собственные душевные силы с тем, чтобы он не просто с верой ждал, что боги принесут ему то или иное, а желал бы действовать так, как если бы боги жили в его деятельном волеии, то это момент - если человечество хочет его пережить - когда человек от внешне сформированных объективных искусств в какой-то мере должен перейти к искусству, которое в будущем примет ещё совершенно другие измерения и формы: к искусству, которое непосредственно изображает сверхчувственное. Разве это могло быть иначе? Духовная наука ведь тоже хочет изобразить -сверхчувственное непосредственно, следовательно, она в какой-то мере должна и породить такое искусство.

И педагогическо-дидактическое применение всего этого будет со временем воспитывать человека, который, благодаря воспитанию в этом направлении, будет находить само собой разумеющимся, что он является сверхчувственным существом, потому что он движет своими ладонями, руками, ногами так, что там внутри действуют силы сверхчувственного мира. Это ведь душа человека, сверхчувственная душа, которая в эвритмии переходит в движение. Это ведь живое изживание сверхчувственного, что проявляется в эвритмических движениях".

Эвритмия представляет собой в области творческого, искусства нечто **совершенно новое**: она стала возможной лишь в наше время. В отличие от классических высоких искусств она не выражает импульсы сверхчувственного - черпая из источников жизни до рождения, ночи и жизни после смерти - в медиуме чувственного мира, а изображает **сверхфизически ощущаемое непосредственно**. Прямым образом связывается человек с духовной действительностью между тем как сверхчувственный мир сил начинает действовать в нём непосредственно. Это новое искусство родилось из Антропософии. Оно возникает посредством того, что человек **сам** стано-вится творящим, исходя из "всматривания", которое - как и антропософски ориентированная духовная наука - непосредственно склоняется к принятию духовного мира в мыслящем представлении, в ощущающем чувстве, в творящем волеии.

ИСКУССТВА И ИХ СВЕРХЧУВСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

V. ИСТОКИ ЗАРОЖДАЮЩЕГОСЯ СОЦИАЛЬНОГО ИСКУССТВА

После того, как было рассмотрено сверхчувственное происхождение творческого, искусства, может быть поднят вопрос: Что стояло перед взором Рудольфа Штайнера, когда он в упомянутой лекции об искусстве указывал на то, что из этого может следовать нечто такое, что позднее может иметь значение также для обозрения социальной жизни? Мы хотим попытаться охватить более конкретно эту пока ещё загадочную перспективу по отношению к социальной жизни.

СОЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В МЕДИУМЕ* ЖИВОПИСИ

* Слово *медиум* употребляется здесь в смысле некоего элемента, *опосредствующие процессы* которого действуют органообразующе (для социально творческой реальности).

Среди побуждений к оздоровлению социальной жизни важны те, которые относятся к "истинности" взаимных образов в социальных отношениях. Шаг к исцелению социальной жизни уже совершается, когда мы стараемся создать истинные образы своих ближних. Мы не видим друг друга такими, какие мы есть в действительности; мы имеем предубеждения друг против друга. Социальная жизнь состоит преимущественно из суждений, "кипящих" от симпатий и антипатий, а не из попыток набросать объективный образ другого человека. Из этого видно, что в эту эпоху всё ещё преобладает антисоциальное, присущее Душе сознательной. Но одновременно живёт во внутреннем человека нечто другое: стремление создать себе истинные образы людей, которые нам встречаются в жизни. Это некоего рода социальный инстинкт, который шевелится в нас как зародыш будущей социальной культуры. Этот зародыш должен быть сознательно подхвачен и развит. Это может показаться чем-то маловажным по сравнению с огромными социальными нуждами Нашего времени. Однако, кто рассматривает действительность, тот согласится, что положить начало как раз в этой области - несмотря на тяжёлую борьбу - крайне необходимо. Рудольф Штайнер чётко констатирует, что эпоха Самодуха "придёт не так, как об этом сегодня грезят мечтатели, а таким образом, что человек действительно узнает другого человека, будет иметь к нему интерес как к человеку - короче, увидит его так, что каждый отдельный человек сможет с полным интересом воспринять другого человека как такового".(17) Как могла бы возникнуть социальная культура, как не через повышенный интерес, который будет проявлять один человек к другому? Заботой об этом интересе уже будет развиваться зародыш Самодуха. Благодаря повышению этого интереса нам станет видимым - и поэтому затем становится и понятным - духовно-душевное существо другого человека.

Достижение этого возможно через сознательные усилия к созданию верных образов. По мере того, как делаются первые шаги в этом направлении, мы освобождаемся от прикованных к эмоциям грёзам о своих ближних. Это означает пробуждение: на более

высоком уровне, чем пробуждение утром из ночного мира сновидений в дневное сознание. В сновидческом сознании каждый человек изолирован от своих близких; вплетенный в мир своих сновидений, он живёт наедине с собой. Просыпаясь и переходя в обычное дневное сознание, мы, благодаря органам чувств, воспринимаем одни и те же предметы: это означает пробуждение в совместный мир. По отношению к чему пробуждается здесь человек? По отношению к природному окружению, по отношению к внешнему миру. Познавательные силы Души сознательной пробуждены для внешней стороны природы и соответственно также для внешней, природной стороны другого человека. Однако, человек ещё не пробуждён для духовно-душевного существа другого человека, для того, что происходит творческое и, следовательно самосозидающее в глубинах человеческой души другого. В современную эпоху элементарно даст знать о себе в человечестве потребность, тяга ко **второму пробуждению: пробуждению к душе и духу другого человека**. Рудольф Штайнер указывает: "В обычной бодрствующей дневной жизни люди пробуждаются ведь только к природе другого человека; но к душе и духу другого человека хочет пробудиться человек, который стал самостоятельным, личностным через эпоху сознания. Он хочет пробудиться к душе и духу другого человека, он хочет предстать перед другим человеком так чтобы этот другой человек в его собственной душе породил такой толчок, какой порождает по отношению к миру сновидений внешний свет, внешний шум и так далее". (18) Посредством этого "толчка" человек приводится к пробуждению к душе и духу другого человека. Так становятся люди друг для друга пробуждающими существами. "Люди должны сближаться больше, чем были до сих пор: пробуждающим существом должен стать каждый человек, который предстаёт перед другим".

Где берёт начало возможность пробуждения к духовно-душевному другого человека? - Это возможно только потому, что мы встречаем друг друга ночью. Без ночи не было бы этой зачаточной формы социального пробуждения. Ибо: откуда мы знаем, что другой человек имеет душу, что человек вообще есть душевное существо? Сознание этого образуется благодаря встречи человеческих душ в продолжении ночи - как следствие ночных переживаний. Если бы мы не встречались ночью - "ночи" принадлежат также и процессы, обычно бессознательные, которые лежат в основе сверхчувственных опытов также и во время дневного бодрствования, - мы все казались бы друг другу до некоторой степени образами без души. Только благодаря тому, что в нас продолжает действовать и становится сознательным то, что мы испытываем в продолжении "ночи", мы знаем о душевном существе другого.

Однако для будущего недостаточно приобрести лишь общее знание о том, что другой человек есть душевное существо. Пробуждение для духовно-душевного другого человека может быть вызвано посредством того, что мы научаемся воспринимать человека образно. "Прозрачным станет в будущем, в определенной мере, человек для другого человека. С другим внутренним участием и с другим внутренним интересом, чем к этому склонен сегодня человек, будут смотреть на то, какую форму имеет голова, или как человек ходит. Ибо мы сможем познать человека по его Я лишь в том случае, если мы будем иметь именно такое понимание его образной природы, если мы приближаемся к человеку с тем основным чувством, что то, что видят внешние физические глаза как человека соотносится с истинной духовно-сверхчувственной действительностью подобно тому, как картина, написанная на холсте, соотносится с действительностью, которую она изображает. Это основное чувство должно сформироваться".(19)

В будущем это основное чувство по отношению к другому человеку должно развиваться. То, о чём здесь идёт речь, это и есть **основное чувство деятельности живописца**. Этим затрагивается тема, которая с 1918 года прослеживается через многие лекции: оздоровление социальной жизни может быть достигнуто посредством овладения человеком способностью созерцать другого человека в его **образной природе** и в проявляющейся через это духовности.

Рудольф Штайнер дал в этом направлении много упражнений. Здесь будет указано только на два упражнения, о которых говорилось в лекции от 12 декабря 1918 года, - на "внутренние душевные средства", как они называются. 20 Одно упражнение состоит в том, чтобы почаще оглядываться на собственную жизнь, пытаться пересмотреть то, что разыгралось между нами и другими людьми, которые вошли в нашу жизнь, воздействовали на неё. При этом нужно меньше останавливаться на том, что сделали или переживали мы сами, наоборот, мы должны больше пытаться, чтобы "перед нашей душой в образе возникали лица, которые вступали в нашу жизнь как учителя, друзья и прочие благожелатели, или же те лица, которые принесли нам вред и кому мы иногда с известной точки зрения больше обязаны, чем тем, которые принесли нам пользу. Этим образом нужно дать пройти перед нашей душой, нужно совершенно живо представить себе, что сделал для нас каждый, стоящий рядом с нами. И мы увидим, если будем действовать таким образом, что мы постепенно учимся забывать самих себя; что мы находим, что фактически почти всего, что в нас есть, вовсе могло бы не быть, если бы то или другое лицо поддерживающе, наставляющее или ещё каким бы то ни было образом не вмешалось бы в нашу жизнь". Это должно быть осуществлено посредством образов из прошлого. "Лишь тогда, а именно, когда мы оглядываемся на давно прошедшие годы и на лица, с которыми мы, возможно, уже не поддерживаем связь и по отношению к которым мы легче приходим к объективности, лишь тогда открывается нам то, как впитывается душевная субстанция нашей жизни тем, что на нас оказывало влияние. Наш взор охватывает множество людей, которые в ходе времени прошли перед нами".

Этим упражнением дан путь, который приводит к переживанию образа другого человека. Благодаря этому мы приобретаем способность, которая делает возможным, чтобы перед нами возникали образы как бы из других людей, с которыми мы встречаемся. Именно тогда, когда мы меньше смотрим в том направлении, что в нас самих интересует нас, а смотрим больше на образы, которые приблизились к нам, мы обнаруживаем, как мало в жизни мы обязаны самим себе. Мы начинаем видеть себя в зеркале тех людей, которые в течении нашей жизни имели воздействие на нас. Благодаря тому, что мы упражняемся в нахождении образов лиц, которые в прошлом были вместе с нами, мы пробуждаем в нашей душе новый орган чувства. Это создаёт возможность придти к образу также и тех людей; с которыми мы предстаём лицом к лицу в настоящем. Вместо того, чтобы ощущать других людей по симпатии и антипатии, мы можем пробудить в себе свободные от любви или ненависти образы наших ближних.

Другое упражнение, которое предлагается в упомянутой лекции, также является упражнением - обзором, только при этом пытаются стать объективнее к самим себе. "Здесь мы снова должны возвратиться во времена более ранние. Однако здесь мы можем, я хотел бы сказать, непосредственно приступить к самим фактам, - к примеру, Вам, скажем тридцать или сорок лет, и Вы задумываетесь: Да... А как же это было в то время, когда мне было десять лет? Я хочу сперва себя полностью представить внутри той ситуации, я хочу себя представить так, как если бы представлял себе другого десятилетнего мальчика или десятилетнюю девочку; я хочу действительно постараться объективизировать себя. "Стараемся представить себе человека, каким мы были в прежние годы так, как если бы это было чужое нам существо. Этой объективизации самого себя сегодня нужно добиваться сознательно, ибо человек имеет тенденцию, всё более и более связывать своё Я со своими переживаниями: он хочет совершенно инстинктивно соответствовать тому, что ему дают его переживания.

Для социальной жизни имеет огромное значение высвободить Я из своих переживаний, освободиться от прошлого. Это достигается посредством упражнения, в котором мы "стараемся освободиться от переживаний; всё менее и менее быть в тридцатилетнем возрасте всё ещё таким, чтобы внутри нас фактически проглядывались только импульсы десятилетнего. Освободиться от прошлого - не значит его отрицать, мы вновь обретаем это прошлое другим образом; это есть нечто чрезвычайно важное".

Рудольф Штайнер подчёркивает, что не нужно стыдиться ежедневно направлять взор на самые элементарные вещи. Результат, к которому приводят оба упражнения, резюмирован сло-вами: "Итак, с одной стороны, мы сознательно возвращаем социальное побуждение социальный импульс, добиваясь имагинаций человека настоящего времени посредством того, что вглядываемся в тех людей, которые в прошлом были с нами в каких-то отношениях и рассматриваем самих себя душевно как продукт этих людей; с другой стороны, посредством нашей объективизации мы приобретаем способность развивать прямым образом имагинацию самих себя".

Кто начинает применять на себе эти "внутренне-душевные средства, скоро заметит, что сначала не ладится - что "не получается". Однако, все дело как раз в этом: пережить, что ни то, ни другое упражнение мы не можем сделать исходя из дневного сознания: что мы должны образы взять с собой в ночь. Станет опытом, - если мы это правильно практикуем - что образы, которые мы сформировали вечером, при пробуждении становятся иными. Они изменяются при прохождении через ночь. Это может стать чудесным переживанием, что эти образы всегда корректируются, в смысле становления более истинными! Они никогда не искажаются ночью, поскольку они ночью сверяются с мировой реальностью. Здесь мы встречаемся по-настоящему.

Только при прохождении через ночь может откорректироваться несовершенство дневного сознания. Это **внутренняя живопись: социальное искусство живописи**. Не живопись с помощью кисти и холста, а внутренняя живопись. Это социальное искусство живописи становится возможным благодаря встречи человеческих душ в течении ночи.

Существенно, что смысл этих упражнений состоит в том, чтобы по отношению к другому человеку в жизни развить иную душевную позицию, чем мы привыкли, ибо другого человека можно познать по его истинной сущности только тогда, если сможем предстать перед ним с тем **основным чувством**, "что то, что видят в человеке внешне физические глаза, так соотносится с истинной духовно-сверхчувственной действительностью человека, как образ, который нарисован на холсте, соотносится с действительностью, которую он воспроизводит. Это основное чувство должно сформироваться".(19) На важность **образного переживания другого человека** Рудольф Штайнер неоднократно указывал начиная с 1918 года. Эти указания находятся наконец в письмах, которые он направил в 1924 году "К членам", в связи с социальным формированием Антропософского Общества. Как бы венцом этой темы является содержание письма об "Образной природе человека". Формулировки так концентрированы и точны, что каждый читатель должен был бы проработать их предложение за предложением.(21) Там есть также ссылка на переживание живописи. Наш обычный способ рассмотрения человека таков, "как если бы картину, которую создал художник, рассматривали бы по субстанции красок, по силе, с которой краски прилипают к холсту, по способу, каким эти краски накладываются на холст, и по другим подобным точкам зрения. Но через всё это не постичь, того, что открывается в картине".

Если мы хотим поставить перед взором образный характер человека, тогда мы должны ориентировать наше внимание иначе. **Сквозь** чувственно зримое должно быть увидено содержание, которое постигается в духе. Иначе получилось бы, как будто стоим перед нарисованной картиной и знаем лишь то, что это - синее, это - красное, не будучи в состоянии соотнести синее и красное с чем-то, что открывается в красках. Лишь "взгляд сквозь" на нечто, выражающееся в образе, приводит к действительному постижению человека. Кто вступает на этот путь, тот шаг за шагом обнаруживает, что значит в действительности то, что человек имеет образную натуру. Лишь на внутреннем пути ученичества усваивает человек верное чувство, верный настрой души, который делает возможным продвижение вперёд. "Только когда при созерцании человека поймём, что он есть **образ чего-то**, тогда приблизимся в верном душевном настрое также и к тому, что в этом образе изображается".

То, что мы видим "сквозь" картину, открывает нам восприятие сущности настоящей

живописи. В современную эпоху, явно нетворческую, утрачено чувство того, что говорит через картину. Между тем, пытаясь создать себе истинные образы ближних, с которыми встречаемся, попытки упражнений могут быть предприняты и в социальной жизни.

Итак, этим пусть будет указан первый член социального искусства. При рассмотрении искусств, с точки зрения их сверхчувственного происхождения (глава IV), стало ясно, как в разных областях творческой деятельности сверхчувственные импульсы действуют через соответственно разные врата. Основные силы, которые человека делают способным к творению живописи черпаются из "ночи". Описанный здесь член социального искусства работает со сверхчувственными силами из ночного мира; черпая из духовных импульсов "ночи", человек осуществляет социальное искусство - в медиуме живописи.

СОЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В МЕДИУМЕ ФОРМООБРАЗУЮЩИХ ИСКУССТВ

Дальнейшая задача из области социального искусства состоит в создании общественных устройств, задача, на которую было указано уже в статье "Духовная наука и социальный вопрос" (1905 год). Эта статья содержит "Основной социальный закон" в следующей формулировке: "Благо сообщества работающих вместе людей тем больше, чем меньше претензий имеет отдельный человек на плоды своих усилий, то есть: чем больше он отдаёт из этих плодов своим соратникам и чем больше его собственные потребности удовлетворяются не благодаря его усилиям, а благодаря усилиям других". Рудольф Штайнер продолжает: "Все устройства внутри какой-то совокупности людей, противоречащие этому закону, неизбежно порождают с течением времени где-нибудь бедствия и нужду. Этот основной закон правомерен для социальной жизни с такой же безусловностью и необходимостью, как какой-нибудь закон природы правомерен по отношению к какой-нибудь области природных взаимодействий. Но мы не должны думать, будто достаточно признать за этим законом общее моральное значение или же захотеть преобразовать его в убеждение, что каждый человек должен работать на своих ближних. Нет, в действительности этот закон живёт должным образом только тогда, когда какой-нибудь совокупности людей удастся создать такие устройства, чтобы никто не мог притязать на плоды своего собственного труда для себя самого, а чтобы эти плоды, по возможности без остатка пошли на пользу всей общности. Зато и его, в свою очередь, должен содержать труд его ближних. Итак, всё дело в том, чтобы работа на ближних и достижение определённого дохода являлись бы совершенно разделёнными друг от друга вещами".

Этим указывается на необходимость создания новых устройств. Этот основной социальный закон даёт осознать то, что задача "построить" и сформировать устройства, соответствующие реальности, может быть охвачена только лишь в том случае, если есть воля определить свои суждения исходя из понимания основных сил социальной жизни. Соответствующее фактам суждение может быть в социальном достигнуто только посредством возвращения к прамыслям, которые лежат в основе всех социальных устройств. (22) Исходя из прамыслей должны быть найдены направления, в которых сознательно должны быть развёрнуты факты социальной жизни. Эта задача поставлена перед искусством социального формирования: **архитектурой в социальном**. При этом речь идёт действительно об искусстве, ибо при формировании устройств нужно всегда обращать внимание на жизненные возможности: исходное состояние всегда "ситуативно" - как в каждом искусстве.

Вопрос: "О чём говорят в данной ситуации жизненные возможности?" - никогда не должен оставлять нас при формировании устройств, соответствующих жизни. Было бы иллюзией думать, к примеру, что идея трёхчленности вызовет на всей земле идентичные формы. Во многих вариациях должна найти эта идея свою соответствующую жизни конкретизацию. Как прарастение проявляет себя в разнообразном растительном мире в

самых различных формах растений, которые все являются отображением этого пробраза, также вызовет идея трёхчленности бесконечное разнообразие социальных форм. Различие только в том, что формы растений были приведены к осуществлению -богами, между тем как социальные устройства должны возникнуть посредством творческой деятельности между людьми.

В той же лекции, в которой шла речь о задаче Гигиенического оккультизма, говорится также о необходимости новых устройств. Было бы ошибкой спросить: Какими должны быть человеческие устройства на всей земле? Ведь "такого вопроса вообще нет. Люди на земле различны. И как раз в будущем эти различия, несмотря на весь интернационализм, всё больше и больше будут обнаруживаться. И последствием этого будет то, что совершенно нереальную мысль будет высказывать тот, кто, будет полагать, что в России можно социализировать точно также, как в Китае, в Южной Америке, в Германии или во Франции; он, таким образом, высказывает абсолютную мысль там, где действительности соответствует индивидуальная относительная мысль, и только. Это чрезвычайно важно иметь в виду".⁸ Особенно на Востоке и Западе проявятся различия в решении социальных вопросов, когда идея трёхчленности станет практической соответственно действительности. Из данной действительности станет очевидным факт дифференциации человечества. Как должны выглядеть устройства в данных конкретных ситуациях, это должно быть угадано по жизненной реальности. Однако, при этом на пути современного человечества стоят большие трудности. В этом и состоит трагизм нашего времени, что наши фиксированные представления делают нас слепыми к жизненной реальности социального. Представляющее мышление обучено на естествознании, т. е. на математизируемой, мерт-вой картине природы - и оттого не пригодно для постижения мира живого. Современный интел-лект вынужден отказать, когда приступают к созданию действительно живых устройств; ибо устройства - живые формы, живые образования, а не твёрдо фиксированные структуры. Поэтому поскольку теневое мышление само по себе не является живым, сконструированные им устройства современной цивилизации не являются отображением пробраза.

Как может сегодняшний человек развить сознание для того, что является жизнеспособным в конкретной ситуации? Если попытаться сознательно формировать устройства, тотчас встанет этот кардинальный вопрос.

Первая перспектива изложена в статье "Духовная наука и социальный вопрос, в которой излагается, как тесно связаны социальные нужды этого времени с душевной жизнью. Человек приписывает условиям и вообще внешнему совершенно ложную власть до тех пор, пока он своим мышлением остаётся на поверхности. В действительности условия в мире есть только выражение внутренней, душевной жизни. Человеческое тело становится понятным только в том случае, если знаем, что оно является выражением души. И "также только тот сможет правильно судить о внешних устройствах в жизни, кто уяснит себе, что эти устройства не что иное как создание человеческих душ, которые воплощают в них свои ощущения, настроения и мысли. Условия, в которых мы живём, созданы нашими ближними; и никто не сможет создать сам лучшие, если он не исходит из других мыслей, настроений и ощущений, чем те, которые имели прежние творцы".⁽⁷⁾ Новые социальные отношения могут возникнуть только в том случае, если в человеке оживут новые мысли, настроения и ощущения.

Дальнейший конкретный ответ даётся в книге "Основные пункты социального вопросам" (1919 год). Начало второй главы вращается вокруг вопроса: Как развивает человек правильное сознание того, что является жизнеспособным в какой-то конкретной ситуации? Объясняется, что идея трёхчленности не имеет в виду аналогию между телесной организацией человека и человеческим обществом как таковым. Идея трёхчленности не имеет ничего общего с представлением аналогии. "Ибо тут наша цель состоит не в том, чтобы какую-нибудь истину, соответствующую естественно-научным фактам, пересадить на социальный организм; а напротив в том, чтобы человеческое

мышление, человеческое ощущение научилось ощущать жизненное при наблюдении природного организма и затем этот род ощущения перенести на социальный организм".

Новые ощущения должны возникнуть в каждом отдельном человеке. Чтобы оздоровление социальных устройств стало реальностью, должны быть даны побуждения к этим ощущениям системой воспитания и школой. Это как требование исходит из современного кризиса человечества. Ведь без этих ощущений не может быть воспринято, где устройства принимают такие формы, которые не способствуют жизни, а препятствуют ей. "...Нужно научиться здоровому ощущению того, как должны действовать силы социального организма, чтобы он оказался жизнеспособным, - начиная с современности это требование будет стоять перед человеком. Станет нужным усвоить чувство, что является нездоровым, антисоциальным желание поставить себя внутри этого организма не с такими ощущениями"(22). Импульсы развития, которые, начиная с современности, хотят вновь вступить в человеческую жизнь, создают эту основу ощущений. Формирование соответствующих действительности устройств требуется от современного человека как сознательная деятельность. В ориентации на прамысли должны быть найдены пути, на которые сознательно будут направлены факты социальной жизни. Лишь отмеченная основа ощущений пробуждает способность воспринимать отклонения от устройств, предначертанных прамыслями, и своевременно противодействовать этим -отклонениям.

Тот, кто пытается таким способом создавать устройства, сталкивается при этом с дилеммой: заданный наперёд вид устройств штампом действует на человеческое мышление, но с другой стороны, это мышление должно образовать устройства жизненным образом. С чего же начинать, - ведь каждое является одновременно и причиной и следствием?

В последней лекции, которую Рудольф Штайнер читал о трёхчленности социального организма, 29 августа 1922 года в Оксфорде, он коснулся этой основной проблемы. В настоящее время часто говорят; человек - продукт социальных отношений; и одновременно: социальные отношения таковы, какими их сделали люди. Однако бесплодно только лишь задаваться вопросом: отношения ли, среда ли являются причиной того, что люди стали такими, каковы они есть? - или: люди ли создали среду, отношения? Мышление такого рода мертво, безжизненно; оно годно лишь для составления программ, с помощью которых не справиться с социальными проблемами. Мы должны сегодня уяснить себе, что как одно, так и другое являются и причиной, и следствием. Для формирования социальной жизни в современную эпоху нужно ставить вопрос: Какие устройства нужны, чтобы люди могли развивать правильные мысли в социальном отношении? И какие мысли нужны, чтобы возникли правильные социальные устройства? С безжизненными мыслями мир не продвинется вперёд. "Вперёд продвигаемся лишь, когда думаем, замыкая круг. Но об этом большинство людей думает: У него в голове вертится мельничное колесо. Они к этому неспособны. - Нужно мыслить, замыкая круг; рассматривая внешние отношения нужно думать, что они созданы человеком, но они также и создают человека; или когда рассматриваем человеческие поступки надо думать, - они создают внешние условия, но сами, в свою очередь, движимы внешними условиями. И так должны мы беспрестанно с нашими мыслями танцевать, шаг вперед, шаг назад, если мы хотим овладеть действительностью".

То, что эту задачу нельзя недооценить, выявилось ещё в начале движения трёхчленности, и Р. Штайнер поясняет это на примере книги "Основные черты социального вопроса". "Итак, моя книга "Основные черты социального вопроса", исходя из социальных отношений, предполагала наличие читателей, которые могут возвращаться назад со своими мыслями. Но люди этого не хотят, они хотят читать от начала до конца и затем знать: Вот, сейчас они дошли до конца. То, что конец есть начало, этого они не хотят понять. И таким образом, это было самое большое недоразумение с этой задуманной социально книгой-то, что она была неверно прочитана. Её и продолжают читать неверно. Не хотят приспособиться своими мыслями к жизни, а хотят, чтобы жизнь приспособилась

к мышлению. Но это отнюдь не есть предпосылка социальных устройств, которые лежат в основе этих изложений".(23)

Способность к мыслительным пируэтам - вот, что требуется для образования живых устройств: творческая деятельность в мышлении, искусство мышления. Работа по формированию жизнеспособных устройств может быть рассмотрена таким образом как одна из задач искусства социального.

Что общего у этой перспективы с жизнью до рождения, из которой черпают формообразующие искусства? Во время жизни в духовном мире до рождения прамысли переживаются как космическая жизненная реальность: пластически формирующие прамысли являются в этой сфере нашей "действительностью". Когда мы создаём живые устройства, мы работаем силами из этих прамыслей. Поскольку прамысли переживаются до рождения, многие души приходят на землю в ожидании найти устройства, соответствующие прамыслям. И вот, если они их нигде не находят, в душе застаиваются космические импульсы и идеалы, и молодой человек становится революционером. Эти люди разрушают отчуждённый от прамыслей мир. Рудольф Штайнер указывал, что - когда сегодня возникают беспорядки - "небо бунтует".(24) Энергии, происходящие из жизни до рождения, которые ищут своего осуществления на земле через идеалы в соответствующих духовному социальных формах, разряжаются в восстаниях, поскольку они глубоко разочаровываются. Это действует как закон! Рисовать можно не разрушая ничего; музыку можно сочинять не разбивая ничего. Но нельзя построить дом не ломая камни. Ваятель должен отсечь куски от мрамора, чтобы претворить свои внутренние образы в видимое.

Альтернатива возможна лишь через одушевление мышления. В живом мышлении работаем мы с этими импульсами из жизни до рождения. Если мы из живых мыслей сотворим устройства, то это будет служением неродившимся душам. Мы делаем это не для нас самих, а для душ, которые теперь ещё не рождены и позднее будут искать на земле эти формы.

Этим набросан эскиз второй области социального искусства. Своё сверхчувственное происхождение она имеет в импульсах из мира до рождения. Как формообразующие искусства получают свои импульсы из развёртывания сил, которые происходят из жизни до рождения, так и этот член искусства социального; черпая из духовного мира до рождения, человек осуществляет на земле искусство формирования в социальном, - искусство социального в медиуме формообразующих искусств.

СОЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В МЕДИУМЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Музыкальный аспект, т. е. перспектива музыкальной со звучности в социальной жизни развёртывает в социальном искусстве процесс "образования объединений". В последние десятилетия сильно возрос интерес к групповой работе. Большое количество людей обратилось к групповой жизни и групповым переживаниям. Является ли этот феномен только преходящей волной или он имеет более глубокое основание? Если мы поищем то, что стремится к поверхности таким способом, то мы найдём тоску по образованию объединений. Антисоциальные импульсы, которые неизбежно связаны с развитием Души сознательной, одиночество, которое появляется одновременно с этим, вызывают потребность в объединении. Это как бы предчувствие грядущей эпохи братства. Эпоха Самодуха, которая в наше время должна быть подготовлена, бурлит в бессознательном душ. И понятно, что эта тоска - поскольку она обращена к тому, что придет позднее, поскольку она относится лишь к зачатку - проявляется хаотически; она изживается во многих иллюзиях и заблуждениях. Будучи неяснённой посредством духовного миро- и человекопознания, живёт она как потребность чистой гармонии, единоклассия. Рудольф Штайнер отрезвляюще указывал на то, что в этом отношении мы действительно живём в наибольших иллюзиях. В эпоху Души сознательной Я пробуждается к самосознанию в

душе. Человек будет становиться всё индивидуальнее, и индивидуальнее, различия между людьми будут становиться в будущем всё больше. Душа сознательная имеет воспитательную задачу: чтобы человек смог положиться только на себя.(25) В человеческой эволюции было заложено, что старое групповое сознание должно было прекратиться. В прежние групповые связи человек был настолько вплетён, что его понимание, чувства и волевые импульсы несли печать групповой душевности. Чтобы человек стал свободным существом, эта социальная форма должна была придти к концу. В эпоху Души сознательной человек переживает себя полагающимся только на себя самого. В грядущих столетиях эта индивидуализация будет идти всё дальше. Всё реже будут люди думать одно и то же, чувствовать одно и то же, воливать одно и то же, хотя бы приблизительно. Волевые импульсы особенно станут носить всё более индивидуальный характер.

Как сможет человек в будущем жить с этими внутренними и внешними противоположностями? Как сможем мы жить с этими ставшими столь индивидуальными, различными человеческими Я? Всё труднее станет терпеть противоположности и переносить их воздействие. Сила, которая позволяет переносить всё это, приходит только тогда, если мы сознательно возьмёмся за исполнение духовной миссии. Она приходит из волевого импульса служить одному и тому же духу. Единение будущего не есть единение predetermined мирного согласия и безобидной гармонии! Оно скорее есть объединение терпящих эти противоположности и различия, которые возникают между человеческими Я. Перенести это положение может только тот, кто через это, стремится к исполнению общей, духовно объединяющей миссии. Лишь сотрудничество, несмотря на выступающие на передний план конфликты, приведёт к братству. - Слово "миссия" может вызвать недоразумения или неадекватные чувства, нечто в смысле "миссионерской задачи" по отношению ко вселенной. Однако, имеется ввиду только внутренняя ориентация, которая может уберечь человека от эгоизма. Так применяет Рудольф Штайнер это слово в статье "Духовная наука и социальный вопрос"; "Кто работает для себя, постепенно оказывается во власти эгоизма. Только тот, кто полностью работает для других, сможет стать постепенно неэгоистичным тружеником. Но для этого необходима одна предпосылка. Если человек работает для другого, то он должен в этом другом найти основание для своей работы; и если кто-нибудь должен работать для совокупности людей, то он должен чувствовать и ощущать ценность, сущность и значение этой совокупности. Сможет он это лишь в том случае, если эта совокупность есть ещё нечто совсем другое, чем более или менее неопределённая сумма отдельных людей. Она должна быть исполнена реального духа, к которому причастен каждый. Она должна быть такой, чтобы каждый мог сказать себе: она правильна, и я хочу, чтобы она была такой. Совокупность людей должна иметь духовную миссию; и каждый отдельный должен хотеть способствовать тому, чтобы эта миссия была выполнена. Никакие неопределённые, абстрактные идеи прогресса, о которых обычно говорят, не могут быть выразителями такой миссии. Если господствуют только они, то отдельный человек здесь или группа там будет работать без понимания того, чему может служить эта работа кроме того, что в ней находится нечто удовлетворяющее его и "его людей" или же отвечающее ещё и интересам, которые для них именно и значимы. - Этот дух сообщества должен жить в каждом отдельном человеке".(7)

Дальше в статье Рудольф Штайнер характеризует, что произойдёт, когда люди таким образом свяжут себя с объединениями, чтобы они **стали** для них чем-то ценным. Человек "постигнет смысл, который связан с объединением людей, которому он принадлежит. Он поймёт отношения, в которых находится его объединение с другими объединениями; и так отдельные духи этих сообществ воссоединятся в духовно целеустремленной картине единой миссии всего человеческого рода. И от человеческого рода его познание сможет перенестись к смыслу всего земного бытия". Таким образом описывается процесс развития, и который человек будет введен посредством установления связи с духовной

миссией объединения. Ступень за ступенью соединится он со смыслом всего земного бытия.

Задача всякого образования объединений есть задача чрезвычайно христианская: она тесно связана с мистерией Голгофы. Через импульс, посеянный Христом в человечество, стал возможным новый принцип объединения. В старые времена людей сводило только кровное родство. Единая кровь, которая текла внутри узких групп, сплачивала людей к единству. Импульс Христа прорвал этот принцип. Старые, зиждущиеся на кровных связях порядки сменяются объединениями, которые возникают из духовно-моральных совместных стремлений людей. Исходя из сознательного Я должны будут формироваться и организовываться объединения в будущем. Этим начинается **образ человечества будущего, построенный на природе Я**.

Отдельный человек будет всё более и более вращаться в духовно-моральные объединения, миссия которых для него приемлема. Кроме того, эти объединения должны **стать** для него чем-то ценным. Это означает то, что отдельная карма человека должна связаться с кармой объединения. Рудольф Штайнер поясняет на примере христианского объединения, "общины"; что это значит для жизненной практики. Из контекста видно, что упомянутое высказывание отныне правомочно уже не только для типичной "общины", а для каждого в свободе сформированного человеческого объединения. "Для человека должно стать чем-то, что он основывает как общину. Если говорить антропософски, можем сказать: Отдельная карма человека должна связаться с кармой объединения. Вам это уже может быть хорошо известно из того, что изложено в прошедшие годы. Также, как не противоречит идее кармы, если я дарю что-то бедному, так же мало противоречит идее кармы, если общиной с человека снимается то, что он имеет как свою отдельную карму. Община может отдельному человеку помочь нести судьбу. Карма может быть связана так, что община понесёт карму отдельного человека. Другими словами, в моральном отношении может произойти следующее: отдельный член внутри данной общины совершает нечто неверное. Это будет несомненно записано в карме отдельной личности, и должно быть перенесено в большой мировой взаимосвязи. Но может найтись человек, который скажет: Я помогу тебе перенести твою карму! - Карма должна быть исполнена, но другой может ему помочь. Так могут помочь целые общины тому, кто совершил неверное. Отдельный человек может так переплести свою карму с общиной, что с него - поскольку община рассматривает его как одного из своих членов - сознательно снимается нечто, касающееся его, так как вся община сочувствует и со-желает исправить своего отдельного члена. Так что община могла бы сказать: Ты, отдельный человек, поступил неверно, но мы заступаемся за тебя! Мы берём на себя то, что ведёт к исправлению кармы".²⁶

Сила для реализации этого может влиться в человека только тогда, когда люди возьмутся совместно за духовную миссию. Жизнь объединений будущего будет требовать от каждого крепкой внутренней силы доверия: силы, чтобы несмотря на все противоположности и различия, не терять доверия в то, что другой человек на своём пути посвящает себя тем же духовным целям. Социальная жизнь будущего должна быть построена на этом доверии: доверие в совершенно конкретном смысле, индивидуальное, сформированное в отдельности. Неизбежно с этим будет связано то, что человек не сможет уберечь себя от трагизма, появляющегося именно тогда, когда доверие не способно возникнуть и жить в душе человека соответствующим образом.

Трогательными словами обратился Рудольф Штайнер к сердцам стремящейся к единению молодёжи двадцатых годов текущего столетия - в так называемом "Педагогическом курсе для молодёжи": "О, мои дорогие друзья, то, что чувствовали люди когда-то в глубинах своей души, когда они бывали разочарованы в ком-то, на кого они многое возлагали, всё то, что от таких чувств когда-то в ходе развития человечества было развернуто, в будущем будет превзойдено по степени трагизма, когда люди после того как у них бесконечно углубится именно чувство доверия, трагически будут переживать

разочарования в людях. В будущем это станет самым горьким переживанием в жизни, когда разочаруются в людях, это станет самым горьким не потому, что до сих пор люди не бывали разочарованы в ком-либо, а потому, что в будущем ощущение доверия и разочарования у людей будет безмерно углубляться, потому что люди бесконечно много будут строить на том, что творится в душе из счастья доверия с одной стороны и из горечи неизбежного недоверия с другой стороны. Этические импульсы будут проникать именно в те подосновы души, где они непосредственно произрастают из доверия человека к человеку".(27)

Многое из того, к чему с борьбой стремятся, в поисках образования объединений, в продолжении земной жизни полностью ещё не может стать реальностью. Посвящают себя замыслам которые - будучи укреплены сопротивлением земной жизненной действительности - должны быть пронесены через смерть. Закладываются зачатки, которые для отдельного человека смогут придти к полному развёртыванию лишь в жизни после смерти.

Трудна будет задача формирования объединений в будущем. Сегодня ещё очень мало развито понимание того, чем собственно является формирование объединения по своей субстанциональности. О формировании объединений высказываются лишь - как это называет Рудольф Штайнер - "в хмельных понятиях". Люди опьяняют себя люциферическими "прекрасными понятиями", они опьяняют себя уже словами "создание единения" и представляют при этом себе рай на земле. Но всё то, что об этом так ошибочно мыслят, не имеет никакого отношения к реальности. Не понимают, что действительное формирование объединений может стать реальностью только в связи с духовной миссией и задачей, - иначе оно всегда будет соскальзывать в межчеловеческое и превратится там в иллюзорное содержание какого-то хмельного понятия.

Из вышеприведённого следует, что формирование объединений требует сознательного волевого усилия. Для формирования устройств человек должен ориентироваться на прамысли. Через общение с ночным миром люди могут межчеловечески найти себя в духе. Идти дальше в этом направлении требует задача объективного формирования единений. Она является апелляцией к воле: "Духовная воля" к совместной работе - несмотря на выступающие на передний план конфликты - в ориентации на духовную миссию.

Этим набросан эскиз третьего члена искусства социального - формирование объединений, музыкальная сторона социальной жизни. В области искусства музыкально формирующие силы были бы немислимы без существования жизни после смерти. Музыкальная реальность может существовать только в предвидении (Voraus-Sicht) жизни, которая следует после земной смерти. Подобно этому, зачатки начертанного здесь образованы только из сил жизни после смерти, формирование единений как искусство работает со сверхчувственными силами жизни после смерти уже в чувственном мире. - В медиуме музыкальных искусств осуществляется образование объединений.

СОЦИАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В МЕДИУМЕ ЭВРИТМИИ

В вышеизложенном были рассмотрены три члена зарождающегося социального искусства в связи со сверхчувственными источниками высоких искусств. С этими членами связаны три задачи:

- сориентироваться на прамысли, чтобы они стали действительны вплоть до социальных устройств (формообразующие искусства);
- стремиться создать истинные образы другого человека, чтобы импульсы из ночи стали действительными в дневной жизни (живопись);
- в качестве отдельного человека стать, в сознательное отношение к духовной миссии, которая связана с тем объединением людей, в которое входим как сотрудники (музыкальные искусства).

Кроме того, нужно иметь в виду ещё четвертую задачу искусства социального. Как эвритмия представляет собой новую форму искусства будущего, так и соответствующий ей элемент в области социальной жизни. В будущем сможет появиться совершенно новый социальный принцип. Уже было указано (гл. II), что в прежние времена водительство социальной жизнью осуществлялось из духовного мира групповыми существами. Отдельные люди были в то время лишь исполнительными органами действующих групповых духов. Самостоятельное Я-сознание так возникнуть не могло. Если бы это состояние сохранилось, человек никогда не смог бы стать свободным существом. В ходе эволюции этот способ совместной жизни должен был подойти к концу. На протяжении тысячелетий постепенно высвобождается человек из групповых связей. Шаг за шагом осуществлялась эта индивидуализация. Сегодня Мы живём в эпоху чётко выраженного "Я-сознания", независимого от данного объединения. Мы стоим друг перед другом как отдельные индивидуальности. Только сейчас возможно, исходя из этого Я-сознания, добровольно, намеренно искать соединения с другими людьми. В будущем люди будут из силы этого сознания образовывать в сознательном, духовно определённом объединении социальную реальность, которая даст возможность сверхчувственным качествам, Интеллигентам (Intelligenzen) духовного мира, самим сойти на землю. Лишь тогда, через социальные связи, явится сам дух, как таковой. Благодаря этому в социальном процессе становления человечества возникнет нечто совершенно новое: переворот в отношениях по сравнению с прежними формами. В старые времена отдельные люди были привязаны к действенным групповым духам без самостоятельности; они были вплетены в некий род групповой душевности. В будущем люди с Я-сознанием должны сообща подготовить почву для нисхождения духовных существ, с которыми они смогут обосновать своё единение свободных духов.

Рудольф Штайнер часто указывал на этот факт: "Сначала тут была человеческая групповая душа. Затем в прошлом человечество было отпущено из групповой души. Но в будущем развития люди должны поставить себе твердую цель, к которой они будут устремлены. Когда люди соединяются в высшей мудрости, тогда из высших миров опять спускается групповая душа, если из связанных природных объединений возникают свободные объединения, в которых сформировано Я человека".(28)

Эта перспектива будущего должна быть подготовлена в настоящее время: в объединениях, которые построены на полном **индивидуальном сознании**, и в которых совершается **духовная** работа - с сознанием того, что эта проделанная работа имеет значение для духовного мира; что она служит пищей для реальных духовных существ. В нашу культурную эпоху эта подготовка может совершаться только зачаточно. Но нужна она, чтобы в последующую эпоху дух сам смог спуститься и полностью пронизать людей.²⁹ Без этого эволюция человечества не могла бы идти дальше. Каждая культурная эпоха имеет не только внешнюю задачу, связанную с развитием определенной культурной формы и состоящую в заботе о духовной жизни, устроенной определённым образом. Наряду с этим - в качестве внутренней, эзотерической задачи - одновременно должно быть подготовлено то, чему надлежит наступить в последующий период. Наша культурная фаза должна в своём лоне нести зачаток того, что лишь позднее, в эпоху явленного Самодуха сможет стать внешней реальностью.

Задача возвращения зачатка для внешнего последующей культуры в прежние времена была задачей мистерий. Для современности эта подготовительная задача падает на долю антропософски ориентированного духовнонаучного движения. "Что повелено руководителями духовнонаучного движения, так это то, чтобы Мы в нём нашли общество, в котором сердца стремятся к мудрости, как растения стремятся к солнечному свету. Там, где истина объединения связывает различные Я, там мы предоставляем возможность спуститься вниз высшей групповой душе. Обращая наши сердца совместно к высшей мудрости, мы создаем обитель для групповой души. Мы образовываем, в некотором роде грядку, среду, где групповая душа сможет себя воплотить. Люди будут обогащать земную

жизнь, развивая нечто такое, что даёт возможность духовным существам спуститься из высших миров. Это есть цель духовнонаучного движения".(28)

Этим четвёртым членом социального искусства мы схватываем одну из самых центральных задач антропософски движущегося общества. При этом речь идёт не о духовной миссии, а об обращении к реальному духовному миру, к духовным существам; -. Уже указывалось (гл. 1) на то, что Антропософское Общество с самого начала представляло оболочку духо-существа, существа "Антропософия". Об этом говорит Рудольф Штайнер в связи с приближающимся Самодухом. Уже в 1913 году для каждого в отдельности в Антропософском Обществе была поставлена задача искать непосредственно личное отношение к существу "Антропософия".

Кто попытается обозреть историю Антропософского Общества, тот увидит, что в её ходе пожар первого Гётеанума представляет собой поворот неизмеримого значения. Это событие сделало необходимым полное преобразование Общества, к чему Рудольф Штайнер приступил в 1923 году. В июне он читал в Дорнахе цикл лекций об "Истории и условиях Антропософского Движения в соотношении с Антропософским Обществом". Развитие Общества вплоть до сложившегося положения было детально описано Рудольфом Штайнером и было представлено образование тела объединения и Я-сознания организма Общества по ступеням его развития.

Это был момент равновесия между ретроспективным и перспективным обзором. Преобразование имело смысл лишь в том случае, если сознание ответственности внутри общества могло усилиться. Членов призвали наметить по-новому обоснованный способ работы, исходя из самой сути, из центра духовного. Нужно было ориентироваться на источники самого что есть антропософского. Среди антропософов уже давно должно было установиться чувство, ощущение, что "Антропософия, совершенно независимо от того, что существуют антропософы, должна рассматриваться как самостоятельное Существо, в некоей мере как нечто движущееся среди нас, по отношению к которому мы ответственны в каждое мгновение нашей жизни... Антропософия сама по себе есть невидимый Человек, который ходит среди видимых людей и по отношению к которому имеют, пока являются маленькой группкой, самую высокую, какую только можно вообразить себе, ответственность; кого нужно принимать за действительно существующее, у кого нужно спрашивать при отдельных действиях в жизни, что он скажет на это".(30) Рудольф Штайнер убедительно просил членов делать всё только по внутреннему зову внутреннего Человека "Антропософия", потому что эта ответственность относится к основным жизненным условиям Антропософского Общества. Этим был задан тон, который приводит к Рождественскому собранию: увидеть Антропософию как живое, сверхчувственное существо, которое невидимо странствует среди нас, с которым мы можем интимно общаться; перед которым мы чувствуем себя ответственными. Этот призыв усиливается к концу года, увеличивается его настойчивость, конкретность и интимность.

18 ноября 1923 года в Гааге состоялось основание Голландского Антропософского Общества. Вечером Рудольф Штайнер читал последнюю лекцию цикла на тему "Сверхчувственный человек, познанный антропософски". В конце этой лекции - в некоторой степени как заключение церемонии основания - он даёт следующее указание: "Если мы в состоянии внять антропософскому познанию не только читая или слушая, но если мы через живое антропософское рассмотрение всё более и более будем приходить к тому, чтобы пережить содержание Антропософии нашим сердцем, нашей душой (Gemüt), тогда у нас действительно возникнет ощущение, что не только смысл идей проникает в наши души, когда мы находимся вместе в антропософских ветвях и занимаемся антропософией вместе с другими людьми, или же когда мы остаёмся в одиночестве; а будет у нас тогда такое ощущение, как будто живые мировые существа вступают в наши души. Тогда нам всё больше и больше проявится сама Антропософия как нечто живо сущностное. И тогда мы уже обнаружим, как с Антропософией нечто стучит в наши

сердца и говорит: Впусти меня, ведь я - это Ты сам; я твоя истинная человеческая сущность! Об этой истинной человеческой сущности - Антропософии - хотелось бы не только рассказать, а хотелось бы заполнить человеческую душу и человеческое сердце (Gemüt) этой истинной человеческой сущностью".(31)

И, ссылаясь на социальный акт основания: "То, что Вы сегодня наметили, Вы лучше всего приведёте в исполнение, если почаще - идя ли на собрание, беря ли в руки книгу, или же начиная что-нибудь другое, относительно чего Вы верите, что оно должно стать плодотворным в антропософском движении - если Вы почаще будете вспоминать о том, как из истинного антропософского рассмотрения мира в нас может заснать чувство и ощущение того, что это, собственно, Антропософия стучится в наши сердца, чтобы привести к нам нашего истинного Человека, нашего подлинного Человека, чтобы привести к нам - нас самих, и этим ввести в нас то, что вновь найдёт путь в настоящей человеческой любви к другим людям. Тогда, если впустим Антропософию в наши сердца, после того, как она стучалась, тогда благодаря тому, чем она сама является, принесёт нам Антропософия истинное человеколюбие". Социально-образующая сила духовно-реального отношения к существу Антропософия проникновенно закладывается в сердца членов Антропософского Общества.

Так обращаемся мы к четвёртому члену социального искусства. Он возникает не из источников доземного бытия, не из источников ночи или жизни после смерти, а нас призывают к тому, чтобы дать сверхчувственному действовать непосредственно в чувственном. В непосредственной встрече приближается существо "Антропософия" к нашим сердцам и просит впустить: ведь она наша истинная человеческая сущность. Если мы её впустим, она сможет странствовать среди нас. она вмешается в нашу жизнь, потому что в нас - через путь инициации - действительны индивидуализированные силы сверхчувственного мира.

Этот четвёртый член искусства социального проявляется в медиуме эвритмии. Эвритмия, как новое искусство, возникает благодаря тому, что человек сам становится творящим на основе способа познания, который - исходя из антропософски ориентированной духовной науки - стремится к непосредственному познанию духовного мира: принять его в представляющем мышлении, в ощущающем чувстве, в творческом волеии: "Везде, где искусство формируется из истинного творческого настроения, там искусство - свидетельство связи человека со сверхчувственными мирами. И когда в наше время человек призывается к тому, чтобы до некоторой степени принять богов в свои собственные душевные силы, так, что он не просто с верой ждет, что боги принесут ему то или иное, а хочет действовать так. как если бы боги жили в его действующей воле, - тогда это тот момент (если человечество хочет пережить это), когда человек в некоторой мере должен перейти от внешне сформированных объективных искусств к искусству, которое в будущем примет совершенно другие измерения и формы: к искусству, которое непосредственно изображает сверхчувственное. Как же могло быть иначе? Духовная наука ведь также хочет **непосредственно** изобразить сверхчувственное, следовательно, она в некоторой мере должна создать из себя и такое искусство".(14)

Это касается и социального, и перед ним стоит задача создания этого нового искусства. Путь к нему ведёт через антропософски созерцательное рассмотрение, когда мы "всё более и более приходим к тому, чтобы переживать содержание антропософии нашими сердцами, нашими душами". Варьируя слова, которые Рудольф Штайнер произнёс об эвритмии, мы могли бы сказать: Если мы, исходя из познания, которое стремится познать непосредственно сверхчувственный мир, сотворим духовную действительность в представлении, в чувствовании, в волеии, то тем самым будет создана материнская почва для рождения нового члена социального искусства.

Эвритмия есть духовно реально изнутри произведённое "движущееся" движение ("bewegte" Bewegung). "Мотив" не остаётся оторванным от движения: он есть сама продолжающая действовать "основа движения". Таким же образом становится понятно,

что Антропософское Общество есть одновременно и Антропософское движение - после закладки изнутри медитативно движущегося Камня Основы в сердца во время Рождественского собрания в 1923 году.

Из этого четвертого члена социального искусства сможет произрасти, как осуществление, многое, что нужно для дальнейшего развития современной культуры. В заключительных словах 18 ноября 1923 года в Гааге Рудольф Штайнер показывает эпохальную необходимость рассмотрения существа "Антропософия" как живого. Это требование времени, потому что человечество - не имея ни малейшего понятия об этом - в бессознательности перешагивает через порог мира реального духа. Переход человечества через Порог действует как духовная реальность в подосновах проблем нашей эпохи.(32) Поэтому "Антропософия" подступает к нам: сё существо непосредственно связано с дальнейшим ходом цивилизации. Остаётся в силе призыв: приблизиться к этому источнику, чтобы цивилизация могла продолжать движение вперёд. Из обращения к "Anthroposophie" произойдёт срастание со вселенной: "И так рассматривайте сегодняшний день как начало того, чтобы действительно не просто собираться в антропософских ветвях для того, чтобы в некоторой мере уединиться, отгородиться от вселенной, а для того, чтобы выглянуть в то, что происходит в жизни. Примите слово, которое я сегодня многократно употреблял - которое я, так сказать, "растоптал" - слово "мировое мужское", "мировое женское" ("weltmännisch", "weltfraulich") с полной серьёзностью: Попытайтесь срастись с миром! Это будет лучшей, важнейшей "программой". Это нельзя внести в устав; но мы должны суметь внести это как пламя в наши сердца. Не пунктами программы могу я Вам больше всего служить, а тем, чтобы направить Вас к верным ощущениям, верным чувствам, которые должны сопровождать антропософскую жизнь. И если Вам станет немного теплее от побуждения к этим правильным ощущениям, к этим правильным чувствам, значит исполнилось кое-что из того, что я, собственно, хотел достичь рассмотрением, которые я производил перед Вами о сверхчувственном человеке, как он может быть постигнут антропософски".(31) Срастание со вселенной - это может быть плодом, если "Антропософия" будет так жива в нас, что она сможет стать действенной для дальнейшего хода развития нашей цивилизации.

Этим набросан эскиз четвертой сферы искусства социального - в формирующем медиуме эвритмии.

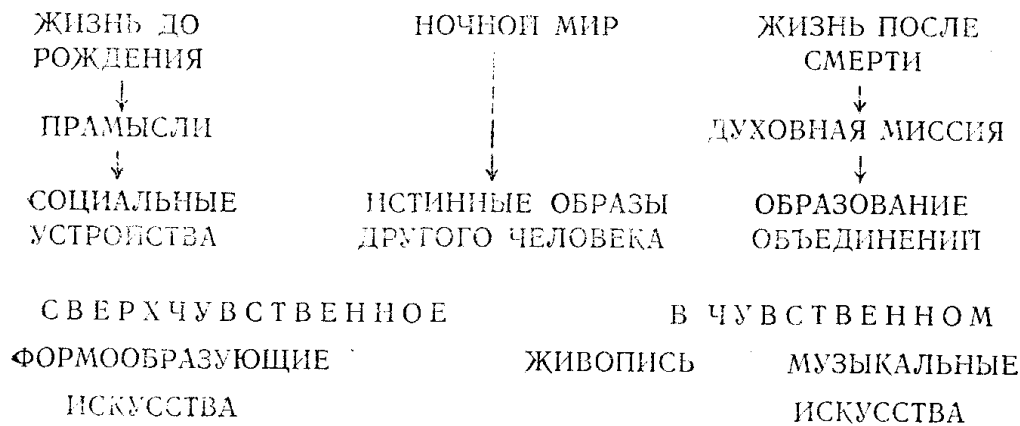
В поисках источников социального искусства наше рассмотрение исходило из членения классических искусств на формообразующие искусства, живопись и музыкальные искусства. Своё обоснование это членение находит в факте, что в этих областях творческой деятельности сверхчувственные импульсы становятся действенными через различные соответственные врата. Вследствие этого, посредством рассмотрения классических высоких искусств могли быть указаны три области деятельности социального искусства. Четвёртый же член социального искусства представляет собой совершенно новую задачу, которая стоит перед нами начиная с нашего времени. Лишь она выявляет, что намечалось Рождественским собранием 1923 года и основанием Всеобщего Антропософского Общества. Общечеловеческие социальные задачи связаны с закладкой Камня Основы Всеобщего Антропософского Общества.

Был заложен духовный зародыш для будущей культуры Самодуха. Она станет реальностью, когда в социальной жизни будут черпать не только из источников доземной жизни, но и жизни после смерти, а когда человек даст сверхчувственному действовать непосредственно в чувственном.

Это будет возможно через обращение к существу "Антропософия", которое в наше время подступает к человеку в непосредственно личном отношении, чтобы подготовить Самодух.

СВЕРХЧУВСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО ИСКУССТВА

АНТРОПОСОФИЯ

ЭВРИТМИЯ

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка описать основу социального искусства как искусства действия, привела к осознанию задач, которые означают непосредственное обращение к человеческой природе. Для будущего будет иметь огромное значение занятие каждой из этих задач. При рассмотрении состояний вселенной - ввиду социальных трудностей нашего времени - нас может охватить уныние: Держит ли ещё человек своё будущее в своих руках, способен ли он формировать его? Ответ на этот вопрос может гласить: Да, человек имеет в руках нечто от будущей судьбы в такой степени, в какой для каждого отдельного человека описанные задачи находятся в области достижимого. Ибо искусство социального есть дело каждого.

Индивидуальный человек стоит в жизни и поэтому непосредственно находится на поле социальных упражнений:

- Сознание для формирования устройств сегодня требуется от каждого; это требование ставит перед ним сама жизнь, если он хочет быть трезвым самоформирователем своей судьбы.

- Межчеловеческие проблемы могут стать плодотворными лишь посредством пробуждения при встрече с духовно-душевым другого человека.

- Единство внутри объединения - несмотря на огромную индивидуальную дифференциацию - может быть достигнуто лишь в стремлении и переживании общей духовной миссии.

- Сверхчувственное Может стать действенным в чувственном сообразно духу и времени посредством обращения к существу "Anthroposophie".

Несомненно, задачи обширны и серьёзны. Однако социальная нужда современности заставляет нас браться за них посредством социального искусства индивидуального и одновременно сов-местного действия в повседневной жизни. Нужно развить сознание о социальной жизни как о реальности сил, которая ускользает от обыденного сознания, потому что она зиждется в сверхчувственном.

Когда говорится о социальной жизни, чаще всего при этом имеют в виду то, что разыгрывается между людьми; о чём договариваются люди друг с другом; что возникает посредством того, что люди просто вступают в отношения друг с другом. О возникающем таким образом, как правило, судят так, что учитывают только то, что происходит между

рождением и смертью. При рассмотрении социальных проблем - с точки зрения причин и следствий - взор исключительно направлен лишь на видимое состояние дел в пределах этих границ. Для оздоровления социальной жизни кругозор обязательно должен быть расширен за пределы этих границ. В образующие силы социальной жизни вливается многое из жизни до рождения; вливается многое из происходящего в духовном мире ночи: и в социальной жизни, действует многое, указывающее на действительность, которая существует в жизни после смерти. Если бы не существовало взгляда за эти пороги, человек был бы ограничен - отгорожен: граничащая с духовным миром сфера образовала бы плотную стену.

Человечество, между тем, имея коренные задатки сознания, начиная с прошлого столетия, шагает, проходя через опыты Порога, к пограничному духовному миру.

Из этого можно сделать вывод, что в прошлом столетии искусство социального, подобное описанному, было ещё невозможно. Искусство социального стало возможным лишь благодаря тому, что в глубинах сознания человечества перманентно совершается пороговый шаг. **Социальные художники** осуществляют свою деятельность в сознании порога к духовному миру;

- Сообразные духу устройства могут быть созданы лишь тогда, когда работа ведётся с помощью сил из жизни до рождения;

- Пробудиться к духовно-душевному другого человека может только тот, кто спиритуальные дали ночи включает в живоформирующее бодрственное сознание;

- Образование объединений в свободном обществе возможно только в сознательном волевом усилии, в духовном предвидении жизни после смерти;

- С полным сознанием движение сверхчувственного в чувственном может стать действенным лишь, если сознательно бороться за то, чтобы перейти Порог.

Правильно понятое искусство социального знает о своих источниках в сверхчувственном; оно будет **искусством Порога**. Оно не может быть ничем иным, потому что за социальной проблематикой современной цивилизации действует в качестве духовной реальности переход через Порог.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

1. Р. Штайнер. Закладка Камня Основы Всеобщего Антропософского Общества (Поли. собр. соч. * № 260. Изд. Р. Штайнера, Дорнах).

2. Р. Штайнер. Рождественское собрание к основанию Всеобщего Антропософского Общества 1923/24 ПИ № 260.

3. Ф. В. Цейльсманс ван Эммиховен, Камень Основы, Штуттгарт, 1956 г.

4. Знаки судьбы на пути развития Антропософского Общества ПИ 253.

См. также: Рудольф Гроссе. Рождественское собрание как поворот времени. Дорнах 1976. В отношении существа Антропософия: Рудольф Гроссе. Существо "Антропософия". Дорнах, 1982 г.

5. Основное социальное требование нашего времени - в изменившихся условиях нового времени (ПИ 186), 7 декабря 1918 г.

6. Как достигнуть познания высших миров? (ПИ 10). глава "Страж Порога".

7. Духовная наука и социальный вопрос, 3 статьи.

8. Основное социальное требование нашего времени - в изменившихся условиях нового времени (ПИ № 186), 1 декабря 1918 г.

9. См. к этому: Ганс Кюн. Время трёхчленности. Дорнах, 1978. Также: Известия управления наследием Р. Штайнера № 15: Год 1917 - в память о духовном и всемирно-историческом событии. 10. Западная и восточная мировая противоположность (ПИ № 83).

11. Как может быть преодолена душевная нужда современности? (ПИ № 168). 10 октября 1916 г.

12. Основное социальное требование нашего времени - в изменившихся условиях

нового времени (№ 186), 6 декабря 1918 г.

13. Духовно-научная разработка социальных и педагогических вопросов (ПИ № 192), 22 июня 1919.

14. Искусство и познание искусства, ПИ 271, лекция 12 сентября 1920 г.

15. Импульсы преобразования для эволюции человечества в искусстве. В: Искусство в свете мистеряльной мудрости (ПИ № 275).

См. также Мартин Георг Мартенс, к вопросу седьмой культуры. Статья в Сообщениях Антропософского Общества в Германии, Декабрь 1980 г.

16. Загадка человека (ПИ № 170), 5 августа 1916 г.

17. Основное социальное требование нашего времени в изменившихся условиях нового времени (ПИ № 186). 8 декабря 1918 г.

18. Антропософское образование объединений (ПН № 257), 3 марта 1923 г.

19. Историческая симптоматология (ПИ № 185), 26 октября 1918 г.

20. Социальные и антисоциальные импульсы в человеке, 12 декабря 1918 г. В: Основное социальное требование нашего времени (ПИ 186).

21. Живая сущность Антропософии и забота о ней. 18 писем "К членам", также взятые в ПИ № 260 а. Заглавие письма XIII от 18 мая 1924 г. (Образная природа человека) исходит от Марии Штайнер. Примечательные размышления над этим письмом в ежегоднике Антропософского Общества в Германии, 1980; в том числе Ганса Бернзена: Образная природа человека, научно-познавательная перспектива.

22. Основные пункты социального вопроса в жизненных необходимостях современности и будущего (ПИ № 23).

23. Лекция 29 августа 1922 г. В: Человек в социальном устройстве (специальное издание из ПИ № 305).

24. Духовная наука как познание основных импульсов социального формирования (ПИ № 199), 11 сентября 1922 г.

25. Основное социальное требование нашего времени в изменившихся условиях нового времени (ПИ № 186), 12 декабря 1918 г.

26. Евангелие от Матфея (ПИ № 123), 11 сентября 1910 г.

27. Духовные созидательные силы в совместной жизни старого и молодого поколения (ПИ № 217). 8 октября 1922.

28. Лекция от 7 июня 1908 г.: Праздник Троицы - душевного совместного стремления и работы к одухотворению мира. К этой теме смотри также: Эрхард Фуке: Занятие антропософией. Штуттгарт, 1981 г.

29. Лекция 15 июня 1915 (ПИ № 160).

30. Истории и условия антропософского движения в отношении Антропософского Общества (ПИ № 258), 16 июня 1923 г.

31. Заключительные слова напечатаны в "Рудольф Штайнер и задачи антропософии перед цивилизацией" - Обзор 1923 г. (ПИ № 259). В связи с основанием Голландского Антропософского Общества, также: Макс Штиббе. Рудольф Штайнер при основании "Нидерландского Антропософского Общества в "Воспоминаниях о Рудольфе Штайнере". Штутгарт, 1979 г.

32. По теме о прохождении человека через Порог Рудольф Штайнер говорит, в том числе, в лекциях от 24 ноября 1918 г. (ПИ № 185-а), 11 апреля 1919 г. (ПИ № 190), 1 мая 1919 (ПИ № 192), 12 сентября 1919 г. (ПИ № 193).